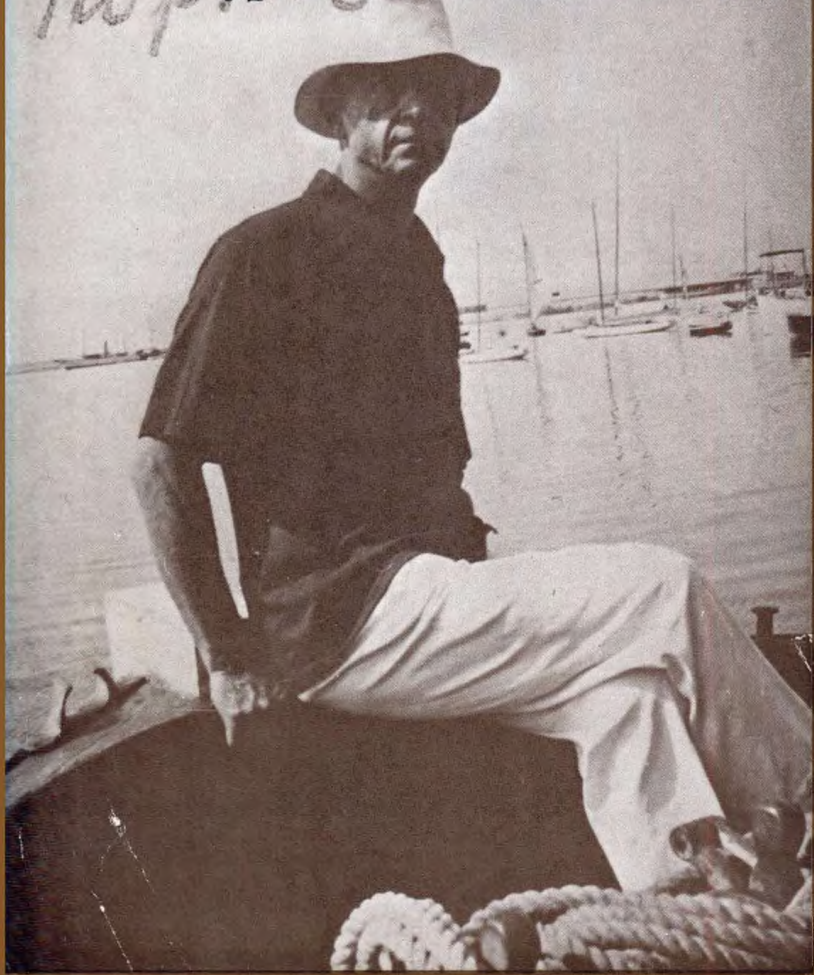

~~ПИСЬМА~~
1936
ПИСЬМА
БУНИНЫХ
(1936-1961)

к Муравьевой — Логиновой

**ПИСЬМА БУНИНЫХ
К ХУДОЖНИЦЕ
Т. ЛОГИНОВОЙ-МУРАВЬЕВОЙ
(1936 - 1961)**

YMCA - PRESS

11, rue de la Montagne Ste Geneviève, Paris V°

Обложка работы Arcady.

© YMCA-PRESS 1982

ISBN 2 — 85065 — 005 — 6

ВВЕДЕНИЕ

Мое знакомство с Буниным было не совсем обычным. В ноябре 1935 года была устроена «Выставка русских книг». В очень неудобной позе, сидя на полу, я рисовала плакат, когда надо мной раздался насмешливый голос:

— А что вы тут делаете? — я в сердцах подняла голову и осеклась — Бунин!

— Стараюсь написать плакат, да очень уж неудобно!

Отвернувшись, я почувствовала, как краска заливает лицо. И. А. заметил мое смущение и стал задавать мне вопросы один за другим: где я живу, с кем, что делаю, откуда приехала... и вдруг расхохотался.

— Вот так написала! — Выводя буквы *exposi-
tion*, я пропустила *ti*! Плакат испорчен, доса-
дуя:

— Это вы меня смутили! Что за допрос, не буду отвечать!

Я встала, чтобы направиться к устроителям. Бунин не отходил:

— Так вы с характером, вот какая! Значит, вы художница, а я поэт, давайте встретимся, поговорим! Позвоните мне. — И на билетике первого класса метро он написал номер телефона.

В сущности, я была очень польщена и несколько дней колебалась: звонить или нет? Но любопытство взяло верх. Ответил мне женский голос: «Вам Иван

Алексеевича? Ян, тебя». Голос показался мне особенным, скорее трескучим, чем мелодичным. Зато голос И. А. был исключительным по его необычайным интонациям, он актерски пользовался ими. Это первое свидание в кафе на площади Ла Мюэт, во время которого Бунин говорил, а я слушала, не веря, что сижу с великим писателем, навсегда в моей памяти. Узнавши, что я живу почти что по соседству, Бунин довольно часто звонил, чтобы посидеть в кафе, пойти в синема, однажды пригласил в шведский ресторан. В ту же осень Гончарова и Ларионов устроили обед в честь Бунина в испанском ресторанчике, который Гончарова декорировала. В тот вечер я познакомилась с Верой Буниной. Держалась она прямо, с большим достоинством, бархатное платье обтягивало ее еще стройную фигуру, лицо показалось мне приветливым и моложавым. Наталья Сергеевна Гончарова училась в Москве в той же гимназии Стоюниной, что и Вера Бунина. По ее словам, Вера была первой красавицей во всей гимназии. Лицо точно из белого мрамора, и синие глаза сияли, как звезды. Встретились мы еще на балу у писателей. Она продавала с другими дамами в буфете пирожки и сласти и ей было не до разговоров. Меня же больше интересовал И. А., который часто подсаживался к нашему столу. Я не представляла себе тогда, что дружеские отношения наши будут продолжаться 25 лет, до самой смерти Веры Николаевны в 1961 году.

Бунин плохо переносил парижские дожди, часто болел гриппом и мечтал о «блаженном юге». Так и в этом, 1936, году он долго хворал и ранней весной уехал с В. Н. в Грасс. Я скучала, и мне тоже захотелось провести лето в Грассе. На мое письмо И. А. ответил, что не советует: «летом Грасс пустыня». Но в этой «пустыне» была дача Бельведер, и меня тянуло туда... Встретили меня Бунины радушно; на даче с ними жил Зуров, с которым я познакомилась за обедом; серви-

ровал провансальский повар Жозеф. Это была вся роскошь, которую позволяла себе семья нобелевского лауреата.

В июле Бунин оживился — приехали на юг парижане: Зайцевы, Алданов, Фондаминские, Цетлины, та литературная и около литературная среда, без которой И. А. не мог жить и которая в этом году Бунину еще более была необходима, так как он тосковал от отсутствия Г. Кузнецовой. Молодое женское общество развлекало его и вдохновляло, а его как раз не хватало! Помню одну прогулку вдоль канала над Грассом. И. А., Зайцев, Зуров шли впереди, а дамы отставали. Вера Зайцева была в ударе и много оживленно рассказывала. Потом В. Н. сказала мне: «У Веры больше таланта и блеска, чем у Бориса».

Дача Бельведер, с огромной пальмой у входа, которая за эти полвека еще выросла. Пальма давала тень на площадку перед домом, на которой стояли большой стол, стулья, кресла. Тут пили чай и вели бесконечные разговоры — русская литературная стихия, которой предводительствовал «Князь», как я прозвала И. А. позже.

Обстановка была очень скромная. И после Нобелевской премии Бунины удовлетворялись малым. Если им случалось проводить зиму не в Грассе, то это скорее потому, что вовремя не наняли Бельведер. Так было в 38 году: сняли дачу *La Dominante* в *Beausoleil*. Есть фотография Бунина «С Олечкой на коленях» — на этой даче жила с ними Ляля Жирова с дочерью, о которых В. Н. писала мне в каждом письме.

Но пришла война, и в сентябре 1939 года Бунины навсегда расстались с Бельведером. На шоссе Наполеона, на крутой горе над Грассом, была дача Жанет, принадлежащая вдове капитана Юбера, англичанина, который построил также часовню немного выше, совсем в сосновом лесу. Дача сдавалась, так как во

время войны владелица уехала в Англию. Помню переезд, поразило меня то, что книги и журналы десятками были выброшены прямо на пустырь и мокли под дождем. Дача была барская. Мягкие кресла, диваны, ковры. У И. А. прекрасный кабинет с огромными окнами и дивным видом на холмы и долину. У Веры Николаевны комната с застекленным балконом, там стояли горшки с цветами и тахта, где она оставляла ночевать тех, с которыми любила поговорить «по душам», а таких было немного. Время было военное. Гостей извне ждать можно было только по счастливой случайности, а домочадцы, которые нашли приют на вилле Жанет, по словам В. Н., «не сходили до нее».

Дача была окружена чудным садом, который кончался лесом. В. Н. любила дружеские прогулки, но для этого не находила партнера, о чем мне писала. Настоящая наша переписка началась именно с их переездом на Жанет. Но, увы, много писем не сохранилось. Те, которые мне удалось разыскать, передают атмосферу их дома, трудности их жизни в 1939-1945 годы, отношения с домочадцами, любовь ее к Олечке, ее редкую отзывчивость на чужое горе. Так пронзила ее судьба моей тети, которой она деятельно помогала во время болезни, и это будучи сама полубольной. Письма 1944, 1945 года полны подробностями о состоянии больной...

Дача Жанет была последней на высотах Грасса, и добраться до нее было трудно. Ходить в город за провизией, носить тяжелые мешки в гору было не под силу. В доме жили молодые еще женщины, Галя Кузнецова, Марга Степун, Ляля Жирова с Олечкой, Леня и Аля. Но как-то так выходило, что, несмотря на установленное дежурство, больше всех выпадало работы хозяйке. Зуров был на положении больного, так как приехал из санатории, его нельзя было тревожить. Ляле тоже надо было отдыхать. Однажды встретила

я В. Н. в городе и пригласила посидеть в кафе: «Не могу, никак не могу, Марга осталась без папирос и ждет меня!!!» «Почему же ей не спуститься самой за папиросами?» «Нет, что вы, у нее часто подымается температура!».

И так всегда преувеличивала В. Н. чужие недомогания и преуменьшала свои. Также в заботах о других она никогда не выставляла себя. Поистине, «правая рука не знала, что творит левая». И все же, никак нельзя было ее назвать сентиментальной, слащавости в ней не было. Слащавость не уживается с юмором, а в ней было как раз много юмора. Очень любила она пошутить, посмеяться, прозвища...

Так, в памятный год начала войны, в день ее именин, задумали мы переодевания... и бал! Олечка была просто в восторге от этой затеи! Она сделалась Эльфом, Ляля Ундиной, В. Н. я смастерила корону и стала она навсегда Никой-королевой (Никой прозвала ее Олечка). Мне достали красный платок, красный пояс, кинжал и превратили в «несвирепого корсиканца». Это прозвище «Корсиканец», а впоследствии сокращенно, «Корси», стало моим именем. Надо сказать, что мои рассказы о Корсике, где провела я лето 1935 года, пришлись очень по душе В. Н. и И. А., и они часто спрашивали меня о всех приключениях на «Иль де Ботэ», вплоть до ареста военным патрулем заблудившихся туристов, заключения в крепость, как «шпионов», и конечного освобождения. Никой называла я В. Н. во все годы нашей дружбы. Иван же Алексеевич введен был в княжеское достоинство — «князь от литературы», или просто «Князь», на что он снисходительно улыбался. Все это было описано в моих воспоминаниях «Живое прошлое», с иллюстрациями, помещенных в 84 томе «Литературного Наследства».

Если письма из Грасса в Лион, где мы с мужем работали во время войны, полны описаниями всего

пережитого, всех невзгод, холода, голода, недомоганий всех собравшихся под Бунинский кров, надо сказать, что всегда болевший в Париже И. А. сравнительно благополучно перенес военные годы, я думаю благодаря климату «блаженного юга». Несмотря на это, редкие строки ко мне И. А. были жалобны: «Написал с десятков рассказов, да кто их будет читать?..» «Как работать без архивов, а архивы в Париже!..» Вера же Николаевна никогда не жаловалась, жалела других, но не себя, старалась находить хорошее во всем: в раннем вставании, в «ночном» солнце, в стоянии в очередях, в отрезанности от всего, «чем мы в сущности живы». «Мало кто к нам поднимается, можно углубиться в «Беседы с памятью». Очень много читаю». И всегда перечень прочитанных книг.

Пришел 45 год. Как всегда, В. Н. описывает праздничный стол, как всегда, дороги ей традиции. «Что принесет он нам и всем?»

В марте уже готовы чемоданы для переезда в Париж. На мое письмо, в котором я тревожусь об измене климата для И. А., Ника подробно отвечает мне, что я серьезно не подумала, что переезд жизненно необходим: надо устроить вечер чтения, надо запродать книгу, в случае болезни есть русские доктора, аптеки, не дай Бог попасть в провинциальный госпиталь, «что видно на примере Вашей тети» — «Для одного лекарства для нее И. А. обегал в Ницце все аптеки!» Со всеми ее доводами нельзя было не согласиться, а все же было тревожно, когда первого мая Бунины проехали через Лион в Париж.

И действительно, настало для В. Н. «жаркое время», как написала она в письме Е. П. Ставраки. Надо было подготовить Вечер чтения, который дал 30.000 франков, столь необходимых. Но И. А. был простужен, «я чувствовала, как ему было трудно читать». Переписка наша продолжалась. Но теперь главным

для В. Н. были изыскания средств, устройство вечеров, и не только для И. А., а и для Лени. «Быстрая помощь», продажа книг, «слезные письма имущим»... Как-то она писала мне, что про нее сказали: «Это легко — брать деньги у одних и давать другим!» «А попробуйте-ка, тогда увидите, как это трудно». Но для В. Н. трудности не были препятствием, преодолеть их было каким-то спортом, настолько была она сильна духовно.

В то время квартира на улице Жак Оффенбах была перенаселена: Ляля с дочкой поселились в ней еще до отъезда жильцов, до конца войны, потом туда вселился Леня. Приехавшим с юга остались всего две комнаты. В одной спал И. А., там же был его письменный стол, в столовой спала Ника. При этой тесноте трудно было ему разбирать архивы, писать и вообще жить нормально. Все было заставлено вещами, негде повернуться в небольших комнатах. Это особенно ощущалось после виллы Жанет и барского его кабинета. Но И. А. был готов на все жертвы для милой Олечки, и это заселение продолжалось годами. Как я уже отмечала, терпение В. Н. было безгранично, но и терпение И. А. вполне соответствовало ему. Я никогда не перестану удивляться доброте И. А. Он никогда не препятствовал Вере Николаевне в ее начинаниях помощи ближним и дальним, он поощрял ее! Поэтому всегда около них были люди, и никто не уходил с пустыми руками после всегдашнего чаепития. Это мог быть совет или адрес полезный, или знакомство с издательством, или рекомендация. Ко всем проявлялся живой интерес и благожелательство. Поэтому и приходило к ним столько народу, литературного и всякого.

Но после 1946 года начались болезни. (Письма этого года не сохранились. Увы!). Всегдашние простуды заставили И. А. поехать на юг в «Русский дом» в Жуанле Пэн, но без В. Н., которая всегда была ему необ-

ходима. На следующий 1947 год «не удалось устроить И. А. в зелень», и Бунины провели все лето в жарком Париже. Зато чудно отдохнули на океане Ляля, Олечка и Леня. В октябре был последний вечер чтения И. А., на котором удалось быть мне с мужем. О впечатлении от вечера я написала в моих воспоминаниях. К счастью, этот вечер дал им возможность поехать на холодные месяцы в «Русский дом» вдвоем. И в январе 1948 года Бунины были уже в Жуан ле Пэн.

Вместе с новогодними пожеланиями, Вера Николаевна сообщает мне о разрыве с М. С. Цетлиной. И. А. ушел из Союза Писателей, и на него началась травля, как на «большевизанствующего»... «Для человека со слабым сердцем всякое волнение яд», — пишет В. Н., посылая мне копию ее письма к Цетлиной, помеченную 1 января 48 года. Все письмо 3 февраля тоже посвящено этому поразившему их событию: «Мы тихо, мирно сидим, взявши десятилетние паспорта, ни о чем не думаем, кроме того, как поправить здоровье Яна, а они сообщают, что мы чуть ли не в путь дорогу собираемся...» Она прибавляет: «Еще не отдохнула, и отдохну ли?» «Ян не очень радуется меня: его основная болезнь обострилась»... 20 марта В. Н. пишет, что собираются возвращаться в Париж 23 апреля. «Надоело жить в богоугодном заведении. Ян все равно воздухом почти не пользуется...».

Наконец, переезд в Париж и большая новость: Ляля нашла мужа, т. е. друга, и переезжает к нему с Олечкой. В квартире становится свободнее. Новость другая — устройство вечера для Лени 5 июня. 24 июня описание вечера: «Леня сошел с рук, теперь на очереди Ляля: устройство лотереи для нее».

Писем 1949 года сохранилось немного. Опять поездка на юг, возвращение в Париж после 15 мая. Твердое решение отдавать друзьям только один день в неделю, «а то каждый день приходят», «Яну нужен

покой»... Опять вся тяжесть вечера Лени на ней. Опять беспокойство о Ляле: «У нее нелады с бель-мер». Свои собственные недомогания. Приемные дни сокращены: два раза в месяц, бывало до 20 человек... «Князь все задыхается, бедный...».

Также не сохранились письма 1950 года: поездка на юг до середины июня, здоровье И. А. — малокровие, удушье. В октябре я неожиданно узнала об операции в конце августа, от которой Князь очень ослаб. Теперь В. Н. неотступная сиделка у тяжело больного, но все же окончание гимназии Олечкой празднуется у Буниных: летом 1951 года приглашен *весь класс*, граммофон гремит с 5 часов до 11 вечера; все пляшут до усталости. Вход взрослым запрещен. А рядом Князь старается заглушить душивший его кашель и терпеливо ждет конца веселья... Я уверена, что из всех эмигрантских писателей только у Буниных можно было увидеть такое самоотречение.

Но тучи на горизонте все сгущаются и близится катастрофа. «У нас большое горе, — пишет В. Н. 18 октября 1953 года, — заболел тяжело Ляля... Сейчас он в дорогой клинике, 100 тысяч в месяц! ...Делаю все возможное, чтобы продержат его там... Помолитесь о нем...». «А дома тоже невесело. Князь опять перенес воспаление в левом легком. Много думает и говорит о смерти. Я держусь, Бог дает силы».

Да, сильная духом, слабая телом, Вера Николаевна безропотно несла на себе невероятную тяжесть. Поддерживала ее только молитва. «Лезу из кожи, чтобы добыть средства... стучусь в сердца, занимаю, пока держусь», — пишет она 3 ноября (за 5 дней до кончины И. А.). «Главное мучает, что нет положительно времени для «слезных писем», чтобы... окончательно спасти Лялю». Это в то время, когда у самих Буниных было крайнее безденежье и для лечения И. А. надо было обращаться к друзьям, В. Н. умуд-

рялась доставать огромные суммы для «спасения Лени». Чувство ответственности — если не она, то кто же поможет их питомцу? А Иван Алексеевич тоже видел в ней все спасение и... не отпускал даже из комнаты!

Когда-то, в Грассе, В. Н. сказала мне: «Умирать Князь будет только со мной». Так оно и было.

О смерти И. А., около полуночи 8 ноября, узнала я в Лионе. Тотчас написала несколько писем Вере Николаевне и с тревогой ждала ответа.

В день смерти И. А. часто задыхался, но, по словам доктора, ничто не предвещало близкого конца. Вечером Вера Николаевна читала ему Чехова, до последней минуты голова его была ясной, до последней минуты он оставался писателем, интересовался литературой. Ему становилось все хуже, пульса не было, В. Н. хотела вызвать доктора, но голова его склонилась на подушку, агонии не было, сразу наступила смерть.

В своем замечательном письме в Америку В. Н. описала ту любовь, с которой парижане простились с Буниным. «... Все, с кем в эти тяжелые дни я общалась, проявили такую любовь и заботу обо мне, что я до гроба донесу восхищенную к ним благодарность. Каждый делал, что мог, и все лучшее в своей душе проявлял ко мне. Вообще атмосфера всех этих пяти дней была необыкновенно легкая. Не удивляйтесь, я думаю потому, что все было насыщено одним чувством скорбной любви. Я чувствовала, что все в горе, а не только жалеют меня и сочувствуют мне. Трогала меня и та любовь, которая относилась к Яну, как к человеку и писателю, а главное та простота, которая всеми чувствовалась, никакой не было фальши... И несмотря на горе, в моей душе останется навсегда чувство несказанной радости от того, что я увидела от людей...».

Сохранилось письмо 23 декабря 53 года. «... Спасибо за Ваши письма. Трудно привыкнуть, что его жи-

вого нет. Я не могу плакать, а потому, вероятно, еще тяжелее. ... Мне еще нужно жить и для приведения дел Яна и для увековечения его памяти. ... Нужна я и для Лени...» Домой из клиники Зуров вернулся, пишет она, «добрым, милым, заботливым», и 12 декабря она благословляет и благодарит Бога и всех, кто помог ей «спасти Леню»...

На восемь лет пережила В. Н. Ивана Алексеевича. Переписка наша стала более редкой, и почти ничего не сохранилось, кроме поздравительных открыток. Но дружба продолжалась... Я все удивлялась, как хватает у В. Н. сил на все: устройство вечера Князя в марте 1954 года, «все были довольны, но мне было тяжело», разбор архива и «Беседы с памятью», заботы об Лене, об его слабом здоровье, заботы о Ляле и Олечке, и многих других из литературного мира, «общественные дела»... и поездки на кладбище. В 1957 году первая часть «Бесед с памятью» была окончена, издателя не нашлось, «издаю по подписке». Но «пытка ожиданием продолжалась»... В конце концов, книгу обещали напечатать — «не знаю, можно ли верить?»

Но верить было можно. Вера Николаевна пережила большую радость — книга вышла в свет! Я получила ее с надписью:

23 октября 1958 года. Моему дорогому Корси на память о нем и наших днях в Грассе. Автор Ника.

За месяц до ее кончины я получила последнюю открытку: «беседую с памятью» (первая часть оканчивалась 1906 годом, встречей с Буниным у Зайцевых), но мало. Слишком много всяких мелких и хозяйственных, и чужих дел, и сил не хватает, а хочется только «беседовать». Печатаюсь пока в «Новом Журнале», а скоро буду печататься и в «Гранях»...

Заболела Вера Николаевна в конце марта, болела недолго. За ней самоотверженно ухаживал Леня. На страстной неделе, столь ею любимой, 3 апреля, она

скончалась. Я не могла быть на похоронах. Приехала в опустевший для меня Париж осенью. Попала как раз на панихиду по ней в церкви на бульваре Экзельманс. Слезы катились градом, и невозможно было остановить этот поток. Я подписывала мои письма «Верный Корси». За эту верность благодарила меня Ника в одном из последних писем.

После ее смерти появилось несколько некрологов. Лучшее всего написал Георгий Адамович: о ее неутомимой, неистощимой отзывчивости, о ее простоте, о том свете, который исходил из всего ее облика. «Не всем писателям посчастливилось найти в супружестве такого друга! ... Бесконечно был Бунин благодарен своей жене, которую ценил свыше всякой меры. Обо всем этом когда-нибудь будет рассказано обстоятельно. Прекрасный, простой и чистый образ Веры Николаевны встанет тогда во весь рост».

Многие годы я добивалась увековечения памяти пребывания Буниных в Грассе. Мечтала о том, чтобы одна из улиц старого города, который так любил Иван Алексеевич, носила его имя. Это оказалось невозможным. Приближалось столетие со дня рождения Бунина, 23 октября 1973 года. Благодаря тому, что молодой и энергичный мэр Эрве де Фонмишель, муниципалитет и заведующий библиотекой Поль Форестье благожелательно отнеслись к моей идее «Дней Бунина в Грассе», жители и приехавшие из окрестностей узнали о Бунине. Все было устроено на широкую ногу.

Открытие памятника — мемориальной доски — на дорожке, ведущей к Бельведеру, торжественный прием в Мэрии. Другая мраморная доска была поставлена в высеченном углублении в скале у входа на виллу Жанет по дороге Наполеона. Прекрасно организованная выставка в новом здании библиотеки (мне

удалось собрать более 500 экспонатов из разных стран) привлекла много посетителей. Доклады Зинаиды Шаховской и Марка Слонима в переполненном зале Казино. Заключительный концерт русского хора. И, конечно, почти ежедневные статьи в прессе в течение ноября способствовали большому успеху «Бунинских дней» 27, 28, 29 ноября 1973 года.

Имя Бунина не будет забыто в Грассе и окрестностях.

Это все, что мне удалось сделать.

*Этой краткой жизни вечным измененьем
Буду неустанно утешаться я, —
Этим ранним солнцем, дымом над селеньем,
В алом парке листьев медленным паденьем
И тобой, знакомая, старая скамья.*

*Будущим поэтам, для меня безвестным,
Бог оставит тайну — память обо мне:
Стану их мечтами, стану бестелесным,
Смерти недоступным, — призраком чудесным
В этом парке алом, в этой тишине.*

Ив. Бунин

П И С Ь М А И. А. Б У Н И Н А

1936 год. Париж.

Дорогая Татьяна Дмитриевна, спасибо за милое письмо, был бы оч. рад повидаться с Вами перед отъездом, скоро уезжаю на юг, — да все нездоров, все еще длится проклятый грипп.

Будьте здоровы и всячески благополучны.

Ив. Б.

1936 год, 29. I. Париж.

Дорогая моя, увы, не могу завтра с Вами увидеться! Позвоню в четверг или в пятницу.

Ив. Б.

Вторник

[конец мая 36 года]

Милая Татьяна Дмитриевна, спасибо за билеты — только я уже в Грассе, давно уехал из Парижа. Жалею, что там не повидались, — тогда я рассказал бы подробно, что такое Грасс и сколь он не годится Вам на лето: жарко, скучно, — пустыня! — жить дорого, до моря далеко, русских, кроме нас, ни души, да и мы — будем ли этим летом в Грассе? Обстоятельства таковы, что навряд. Если уж хотите в наши места, то надо куда-нибудь под Cannes, — La Napoule, например. Местечко скромное, но возле моря.

Думаю, что на днях опять буду в Париже. Тогда позвоню Вам и поговорим обо всем этом как следует.

Так что, может быть, до скорого свиданья.

Ив. Бунин

Le Grand Hôtel
Cannes
I. IX. 37

Моя дорогая художница, я был в Югославии и в Италии, теперь держу путь домой. Вероятно, уеду завтра (утром или вечером), жалею, что Вас не повидал. В. Н. прислала нынче письмо, вспоминает, что Вы хотели купить кое-что из нашего имущества, оставшегося на Belvédère'e, и говорит, что если Вы еще не оставили этой мысли, то Вам надо обратиться к Жозефу (villa « Vieux Logis », над Бельведером) в праздник, ибо он теперь работает.

Целую Вас, — с позволения Вашего супруга, — и желаю всех благ.

Ив. Бунин

[1938 год, июнь?]

Был на юге, искал *всюду* пристанища на лето — нигде ничего! Хочу снять с 15 сент. «Belvédère» — до 15-го он занят. Но не знаю, что делать до 15-го. — Где Вы? Напишите. Ваш

Ив. Б.

Villa La Dominante
Av. de Villaine
Beausoleil, A.M.
3. IX. 38

Милая Таня, простите за поздний ответ, — я все странствовал последнее время, потом отдыхал здесь (это над Монте Карло). Мы здесь уже вторую неделю, сняли квартиру помесячно, пока до 15 окт., что дальше — не знаем. С Грассом дело не вышло — хозяин «Бельведера» невозможный человек. Как живете? Хотелось бы повидаться. Бываете ли в Ницце или в

Cannes, в Juan-les-Pins? Напишите, если где-нибудь в этих местах будете — приеду провести с Вами часок.

Целую.

Ив. Б.

1939. 19. XII.

Танечка, дорогая, золотая, получили Ваше письмо, спасибо за ласковые слова. Я же к Вам с просьбой: если есть у Вас некоторое свободное время, пожалуйста помогите мне. Я без конца писал обществу, коему принадлежит дом на Jacques Offenbach n° 1, о моей квартире. Желая узнать, согласно ли оно отдать мне квартиру с 1 янв. 40 года до 1 янв. 41-го по пониженной цене и по какой именно: все нет ответа! Узнайте, милая, будет ли и какой? По какой цене? Это общество — «La Sequanaise», 4, rue Jules-Lefebvre, Paris IX. Потом: с августа прошу телефонное общество (16, B-d de Vaugirard тел. SEG. 88-54) снять мой телефон AUT. 17-88 — и опять никакого ответа! Помогите и тут. Но сперва поговорите с M-lle Imbert (наша Femme de ménage) на Jacques Offenbach, дом № 1, tél. AUT. 16-25.

Я M-lle Imbert тоже просил об этих делах: молчит.

9. 1. 40

Милая Танечка, очень, очень благодарю Вас за хлопоты, за письма, за поздравления. Дай Бог и Вам всего хорошего. Простите, что так поздно отвечаю, — хворал, как и все в нашем ледяном доме. Простите и за то, что снова беспокою Вас покорнейшей — и последней просьбой. Михайлов был в «Sequanaise» и писал мне, что это общество отдает мне квартиру со скидкой в 50 процентов с основной цены (шаржи не

в счет), но не написал, со скидкой или нет должен я платить за три месяца прошлого года (октябрь, ноябрь, декабрь). Но если я напишу Михайлову, чтобы он снова побывал в «Sequanaise» и узнал насчет этого последнего (разговора платы за эти 3 месяца), то он, как всегда, соберется поехать недели через 2, а ответит мне через 3. Вот я и молю: съездите Вы. И скажите, что я на этих *новых* условиях оставляю за собой квартиру на 1940 г., и спросите, сколько и когда я должен выслать за эти 3 месяца прошлого года. И должен ли я написать этому обществу какую-либо бумагу формальную насчет найма квартиры на 40-й год на новых условиях, или будет достаточно, что Вы скажете от моего имени.

Целую Вас сердечно и кланяюсь Вашему ученому мужу.

Ваш Ив. Бунин

23. I. 40

Танечка, милая, простите, не поблагодарил Вас еще раз (после Вашего письма от 15-го января) за все Ваши хлопоты — нездоровилось. Предполагаю поехать через недельку в Париж. Если поеду, извещу Вас точнее. Пока целую.

Ваш Ив. Б.

26. I. 40

Милая художница,
Надеюсь быть в Париже в понедельник 29-го. Буду звонить Вам, чтобы поговориться, когда повидаться.
Целую Вас

Ив. Бунин

1940 год, 2. II.

Пятница

Милая Танечка, оказывается, — узнал от Зурова, — что Вы у меня были вчера, а я ждал Вас нынче — у меня записано наше свидание на пятницу. Ужасно жалею. Позвоню к Вам, верно, в понедельник, чтобы увидеться все-таки — я скоро уезжаю. Целую Вас, желаю здоровья Вашему папе, кланяюсь супругу.

Ив. Бунин

2 марта 1940 г.

Милая Танечка, напишите словечко о себе и о папе. Надеюсь, что он уже здоров и Вы вздохнули свободней. Что делаете, каковы Ваши планы? У нас нового ничего нет, живем тихо и однообразно (и миролюбивее, чем прежде). Целую Вас и жду вестей от Вас

Ив. Бунин

2. V. 40

Воистину воскресе, дорогая Танечка, сердечно целую Вас. Получил Ваше грустное письмо от 29-го. Дай Бог здоровья Вашему папе. Собираюсь в Париж, надеюсь быть там числа 7-го, 8-го. Буду рад видеть Вас. В. Н. в Париже уже 2 недели — заболел чахоткой Зуров, вчера уехал в санаторию.

Повидайте ее.

Ваш Ив. Б.

25. I. 41

Милая Танечка, я Вас очень люблю и очень рад был нынче Вашему письму и тому, что Вы сравнительно благополучны. У нас тоже были большие хо-

лода и мы порядочно страдали от них. Едим очень, очень скудно. По дому нашему прошел небольшой грипп, — Вера, Марга, Галина, теперь Зуров. Вера Вам скоро напишет — Вы знаете, что она очень слаба и часто лежит от печени. Я очень, очень скучаю. Осенью писал, написал десяток рассказов, а куда их девать? А денег у меня осталось букв. гроши. Целую Вас как родную *). Поклон Вашему мужу.

Ваш Ив. Б.

2. V. 1943

Дорогая Танечка, с праздником!

Сделайте одолжение, исполните мою усердную просьбу, если Вы хотите, чтобы я продолжал обогащать русскую и всемирную литературу: вышлите мне то, что у нас уже нельзя найти, а именно: коробки 2 RHYTHINE CIBA — он делается у вас — 193 à 117 Bd de la Part-Dieu, Lyon, и, думаю, есть во всякой аптеке. Пожалуйста, найдите или пришлите мне наложным платежом (или напишите, сколько Вам за него выслать — в виде подарка я *ни за что* не приму).

Целую Вас, кланяюсь супругу.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Серьезно — мне RHYTHINE совершенно необходим — я совсем болен нервно.

10. V. 43

Спасибо, спасибо, дорогая моя. Целую. Рад, что приедете в наши края и что, значит, мы повидаемся.

Ваш Ив. Бунин

*) Преемственность культуры очень ценил И. А. «Чувствую в себе предков», — говорил он, и обрадовался, когда я сказала, что дед моего деда, Ф. М. Карамзин, — родной брат писателя. «Мы значит в свойстве с Вами, ведь первая жена Карамзина из Буниных!»

ПИСЬМА ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ БУНИНОЙ

1940 1/14 января

Bravo! Bravo!! Bravo!!!

Дорогой Корсиканец, спасибо за чудный подарок, поздравление, пожелания, письмо.

Вот и встретили праздники по всем стилям, провожали старые года, встречали новые, и всегда жалели, что Вас нет с нами. Вчера мы очень скромно встретили с Лялей⁽¹⁾, а И. А. с «горцами»⁽²⁾ — у Лидочки⁽³⁾. Я отказалась наотрез, сославшись на здоровье, но мне очень не нравится ее поведение по отношению к Ундине⁽⁴⁾, и, чтобы чуть позлить, мы умолили Маргу сказать во время пира, что к нам по дороге в полк зайдут в 11 ч. граф Капнист с приятелями и шампанским, а для того чтобы поверили, я накрыла на 5 кувертов стол и поставила вина и бутылку с водой — водка, зелень, — когда Жорж⁽⁵⁾ приехал за нашими, я, проведя его через столовую в кабинет, сказала: «Да и у нас неожиданная будет встреча». Но это между нами. Вы понимаете, как Вас недоставало для такой шутки. Если бы Вы были, то и потанцевать было бы можно, хотя бы с призраками...

Я все никак не попаду к Вашей маме. Меня очень ослабляет лечение карлсбадской солью, а остальное время от времени «гриппирую». У Лидочки я была всего раз, — присылали за мной их «ватуру».

Да, пришлите мне нашу встречу нашего старого года. Наша столовая, Ляля в темно-зеленом бархатном платье, сделайте ее поинтереснее, поднимают бокалы за ее здоровье, — я в цвете сиреновом «mauve», и три «пуалю» — два очень элегантных графа Капнист, Шереметьев и один бульдожный, скажем, Кадоров, одно пустое место для Вас. Если нужны по-

дробности, дадим, но, я думаю, при Вашем таланте Вы все прекрасно сотворите, а об эффекте я напишу Вам подробное письмо. Повезу это творение в Антоновку тож Жоу.

У них на встрече были батюшка⁽⁶⁾ с женой и Хрипуновы⁽⁷⁾. Он говорил речь в честь И. А. Глубокая провинция!

Батюшка долго и подробно рассказывал о Фохте⁽⁸⁾, первом муже Лидочки, не зная, что он муж, как он по дороге в Палестину заезжал к каннскому батюшке, и тот сказал, что он должен жить со всеми его четверьями женами, на что Лидочка заметила: «Нужно еще спросить этих жен, хотят ли они»... Вся семья сидела каменная, а наши не знали, куда деваться. Значит, Лидочка скрывает о своем прошлом. Ведь с каннской церковью у нее очень близкие отношения, да и понятно: ведь это было 20 лет тому назад или 19, а ей всего 34.

Археология на время оставлена. О книге уже не говорит. Дружит с Маркизой⁽⁹⁾. Жду к себе Муравьевых⁽¹⁰⁾ завтра.

Пока все новости. Самойловых⁽¹¹⁾ не видали со дня Галиного рождения 10 дек. Новый год н. ст. у нас встречали Андреева⁽¹²⁾ и Гетье-Любченко⁽¹³⁾, тоже Вас недоставало. Елка у нас прекрасная, еще стоит нарядная. Марга была чудесным Дедом-Морозом, Олечка поверила в него.

Сейчас 9 ч. утра. Открыли церковь. Посмотрим на воду. Хорошо так, что нельзя рассказать. А главное весь дом спит, и эта чарующая тишина. В саду работает садовник. Целую. Ника-Королева. Все шлют дружеский привет. Олечка и Ляля очень благодарят за подарок и целуют.

Привет сердечный Игорю Николаевичу и благодарный Абраму Соломоновичу⁽¹⁴⁾.

Н. К.

21. 1. 1940

Дорогой Корсиканец, поздравляю Вас с днем Ангела и желаю всяких успехов и радостей. Очень жалею, что не могу в этот день поздравить Вас лично.

Я несколько раз виделась с Вашей belle-mère, и мы с ней постоянно дуэтом хвалим Вас.

Я все никак не соберусь в St Jacques, больше месяца у нас все время больные, один выздоравливает, другая сляжет, правда температура только раз у Марги поднималась до 38,2, а то 37,2, 37,5. Ведь это, кажется, еще при Вас началось. Я не болела, но от карлсбадской соли очень ослабеваю, и много приходится лежать, так что даже в церковь удалось только раз на Крещение съездить.

Были опять холода, замерз наш бассейн, а сегодня опять пошло на тепло.

Как идут Ваши занятия, и удалось ли Вам где-нибудь устроиться? Воскресенье у нас была милая miss Herst⁽¹⁵⁾, мы зажигали елку, которая все еще стоит нарядная в салоне. На днях ее вынесут в сад. С детства у меня раздиралось сердце при виде лежащей во дворе на снегу елки, мне всегда казалось, какая неблагодарность: получили от нее столько радостей, а потом за ненадобностью выкинули... И становилось очень грустно: белый снег у забора, и темная ель лежит на нем, и девочка с печальными глазами.

У нас, конечно, она будет лежать не на снегу...

В доме бывало холодно. Надеюсь, что эпоха морозов миновала, — ведь уже и февраль не за горами.

Самойловых не видела целую вечность, на праздниках не были друг у друга.

Сегодня получила письмо из Монте Карло от Л. Г. Доброй⁽¹⁶⁾, приглашает повидаться в Ницце. Я воспользуюсь, а то очень засиделась.

Ляля и Олечка решили Вам писать, но вы знаете их медлительность, а потому на всякий случай пере-

даю их поздравление и поцелуи. У Ляли вырвали зуб сегодня, а потому ей нездоровится.

Галя и Марга, которая не совсем здорова, — шлют поздравительный привет.

Ив. А. благодарит за хлопоты, — деньги он послал за квартиру, — извиняется за молчание и шлет поздравление, он торопит меня.

А потому кончаю и целую
Привет Игорю Николаевичу

Ваша Королева-Ника

Grasse 22. I. 1940 г. 2 ч. дня

Простите за неуклюжее письмо, я дежурная, после завтрака еще отдыхала, и голова плохо работает.

14 июля 1940 года

Дорогой Корсиканец, очень была рада Вашей весточке, которую получила чуть ли не на следующий день нашего возвращения домой. Мы после объявления войны Италией покинули Грасс. Уехали в сторону Монтобана. В Монтобане ничего не нашли, и Ляля посоветовала ехать в Лафрансез, где у нее есть знакомые. И мы нагрянули на бедных людей, которые всех приютили на одну ночь, а затем все наши дамы перешли в деревенский отель, а мы там и прожили двадцать два дня.

На четвертый день нашего прибытия в этот душе-спасительный городок явился туда Жиров, отец Олечки. Он побывал в Грассе, вывез из Ниццы тетку Ляли, графиню Капнист (которая будет с ними жить на ферме). На другой день мы всей нашей семьей проводили их на их ферму, и таким образом довольно безболезненно совершилось возвращение Ундины в ее речные

глубины. У них 16 гектаров. Место красивое, земля плодородная, но никто на ней не работает. Скосили только траву. Как они выкрутятся, я не представляю, Ляле придется нести тяжелую работу. Я рада, что и у нас кончились отношения, которые последнее время приняли совсем идиотский характер. Об этом расскажу при свидании.

Сейчас мы живем вчетвером. Времени у меня много. Как только отдохну, хочу приняться за работу.

Чувствую большую усталость и шок от пережитого. Слишком все стремительно и даже неожиданно. Все сейчас разбросаны. Понемногу начинаем узнавать кой о ком.

Шурочка⁽¹⁷⁾ в Лиссабоне. Ее мать⁽¹⁸⁾ с мужем в Каннах. Ее отец с женой в По.

Лидочка с Кириллом⁽¹⁹⁾ были погружены вместе с мисс Херст и ее дядей на миноноски, говорят, они в тяжелом положении. У Лидочки нет денег. Я только мельком видела ее родителей и Жоржа, который на велосипеде прикатил из Парижа в Антоновку. От Мар. Ив.⁽²⁰⁾ скрывают истину, хотя она и без того очень волнуется. Как пройдет нога — поеду к ним.

С Марьей Карловной я встретилась в Петров день. Вместе ездили в церковь. От нее с радостью узнала, что все живы и здоровы, что Ваш папа уже дома. Она ждет возвращения своих сыновей.

Зуров еще в санатории. Я уговариваю его после нее приехать в Грасс, он боится климата. Бациллы у него пропали, и мне кажется, что ему именно климат Грасса, Ванса теперь очень подходит.

Неужели Вы не приедете сюда! Впрочем, Вы так здесь утомляетесь, что Вам лучше и не приезжать. Я только эгоистически хотела бы с Вами повидаться.

Ничего не слыхали мы о Гончаровой. Неужели она осталась в Париже? Если Вы о ком-нибудь что знаете, сообщите, я очень о всех тревожусь и радуюсь всякой доброй вести.

Думаю, что на наш юг будет тяга. В По все почти валялись на матрацах, а здесь еще очень свободно.

Сегодня наши были у Самойловых, у меня натерта нога, и я осталась дома. Они видели бои в воздухе. В Рокфоре упала бомба. Дом их затрясся.

Наше путешествие стоило нам очень дорого и взяло много душевных и физических сил. В La française нет никаких удобств. И нужно было выбирать между конюшной и чистым полем! Трудно было с питанием. Негде было готовить, а рестораны становились не по средствам. Овощей там очень мало. Фрукты дороги, а здесь дешевка. Персики полтора франка, а там семь! Но мясо зато там такое, какого и в Париже не всегда найдешь, и дешевле.

Напишите мне подробное письмо о себе. В чем заключается Ваше занятие? Что делает Игорь Николаевич? Напишите Лене, если он поедет через Лион, он мог бы с Вами повидаться, ведь он где-то недалеко от Сен-Этьена. Его адрес: Санаторий d'Oussoulx pres Paulhogue, Nte Loire.

Привет от всех нас Вам и Игор. Ник. Вас я обнимаю и целую. Храни Вас Бог!

— все, что у меня осталось, — это Олечка.

Ваша Ника

11 августа 1940 года

Дорогой мой Корсиканец, очень была рада получить Ваше длинное письмо. Пользуюсь тишиной, спокойствием — я одна дома и пишу Вам, вернее стукаю на машинке, это мне легче, последнее время чувствую небольшую слабость и тупость. Погода переменчивая, то жарко, то дождь, и это в августе месяце!

Очень жалею, что Вы не здесь. Без Вас не с кем пойти погулять, а за прогулкой хорошо поговорить, посмотреть вокруг, подумать, помолчать. Наши горцы,

как Вы знаете, не спускаются до меня, а Ян теперь все летает в Канны, а потому на гулянья нет у него сил.

Одна я сегодня потому, что еще вчера население гор отправилось в Руретскую долину к Самойловым, где должна быть и Наташа Гетье, а И. А. уехал в Канны. Я же вчера немного устала: ждала к обеду Цетлиных, а они почему-то не приехали, а хотели переночевать у нас. Так зря и утомилась. Наготовила на маланьину свадьбу, вместо того чтобы отдохнуть. Сегодня я решила никуда не двигаться, а заняться «перепиской с друзьями».

Без Олечки у нас очень грустно. Но атмосфера стала легче. Совсем мы все живем раздельно, а потому никаких почти нет трений.

Я понимаю, что Эльфу⁽²¹⁾ хорошо носиться по собственным лугам и лесам, что жить с отцом и матерью естественно, хотя она может теперь и учуять, что не все благополучно у родителей, и у нее начнет раздираться сердце от желания оправдать каждого, что при отношении Ундины ко мне жить со мной Олечке был вред, что Ляля и с Ив. Ал. установила враждебные отношения, и незаметно внушала дурные чувства к нам, а особенно ко мне, и нежнейшие к горцам, но все это доводы ума, разума, а сердце ноет, а тоска порой ночью не дает спать. Жаль мне, что девочка будет воспитываться среди не очень культурных людей, слышать речи, от которых должно быть стыдно каждому настоящему человеку, что она может огрубеть прежде всего даже от того, что Ляле некогда теперь так возиться с ней, что кто-нибудь грубо ей откроет правду на отношения отца и матери, словом, это мое испытание, урок — нельзя привязываться к чужому ребенку, если мать ревнива, да еще настроена враждебно. Ундине хорошо одно, что она в своей реке, но я думаю, что ей придется немало хлебнуть горя и

огорчений. Мне кажется, что этот молчаливый человек, очень спокойный, с олечкиной улыбкой и нежным цветом лица, может быть очень жесток и неумолим, а отношения у них не налажены, держатся на обожапии дочери.

От Лидочки была телеграмма, она в том городе, где когда-то провела зиму. Теперь налаживает переписку. Мы встретили Жоржа, он для этого ехал в Торан⁽²²⁾. Родители Лидочки в большом волнении, и все трое вешают теперь на Кирилла всех собак. Я заступалась. Доказывала, что Лидочка должна была следовать за мужем. Да и Кирилл ничего бы не мог сделать, если бы она не захотела с ним ехать. Меня даже возмутило, что же Кирилл, муж или не муж!!?

О Наталье Сергеевне⁽²³⁾ ничего до сих пор не слышала. Думаю, она осталась в Париже. Те, кто остался, довольны. Мне писали Зайцевы⁽²⁴⁾ и другие.

Из известных нам людей убит только пока один, о котором мы знаем, отец трех детей. Это зять Тверских, бывшего губернатора в Саратове. Они живут на одной площадке с дочерью Зайцевых⁽²⁵⁾, я знакома с Тверскими, мама знала еще его родителей. Нам писали, что панихида была самая раздирательная из всех панихид, которые бывали на рю Дарю.

Не знаю до сих пор об Андрюше Бакст и очень тревожусь. Остальные, кто были на фронте, живы и здоровы.

Шью себе два платья черных. Одно у хорошей портнихи апре-миди, а другое у маленькой. Я купила остаток в шесть метров восемьдесят, и вышло два, второе юбка и легкий жакет, о нем И. А. ничего не знает, надеюсь, что не заметит, а меня это второе очень выручит, в сентябре в нем будет хорошо ходить. Я очень обносилась. Если бы Вы были здесь, то можно было бы что-нибудь сварганить и более яркое, а так нужно сделать более солидное и прочное. Я думаю,

материи будут скоро недоступны, а пока я еще купила по старой расценке.

Привет Игорю Николаевичу⁽²⁶⁾. Все-таки очень хорошо, что Вы работаете вместе. Сейчас такое время, что нужно быть всем довольной, раз есть здоровье и возможность быть ни от кого в зависимости.

Обнимаю и целую.

Ваша Ника-Кор.

10. X. 1940

Дорогая Татьяна Дмитриевна, получила сегодня Ваше письмо и всей душой с Вами. Очень сочувствую Вашему большому горю, как и Иван Алексеевич, Гал. Ник. и Марг. Августовна.

Передайте Вашей маме наше искреннее соболезнование.

Вчера весь день думала о Вас, сегодня села писать, как пришла эта грустная весть. Видеть Вас очень хочу. Думала приехать к Вам сегодня, да до 5 ч. нет автобуса.

Надеюсь все-таки увидеться. Вы могли бы у нас переночевать.

Целую Вас нежно

Ваша В. Б.

29 января 1941 года

Милый, дорогой мой Корсиканец, я вполне понимаю и Ваше недоумение, и Ваше беспокойство, а, может быть, и раздражение за мое такое странное и упорное молчание. Марина Цветаева как-то мне сказала: Вы всегда откладываете то, что Вам больше всего хочется, и это правда. Мне очень давно, почти тотчас же после Вашего отъезда хотелось написать Вам «настоящее» письмо, а не отписку, и вот для

этого я никак не могла выбрать времени. И сегодня решила прежде всего и на машинке написать Вам какое бы то ни было письмо, иначе это превзойдет все пределы... И что обиднее всего, что мысленно я очень часто пишу Вам.

Дело в том, что теперь моя жизнь делится так — с пятницы утра по понедельник до трех часов я дежурная, а вторую половину — горцы. Конечно, за три с половиной дня я утомляюсь, и почти все свободное от кухни время лежу, а лежа писать я не умею, то есть очень быстро устают руки. В понедельник днем я тоже лежу, иногда что-нибудь перестукиваю для И. А. Во вторник, среду, четверг накапливается много разных дел, среди них всегда куча писем, и я большей частью пишу их наспех, раз в две недели куда-нибудь нужно съездить, то в Канны, то в Рурэ, иногда на именины, иногда по «делам»... После поездки тоже утомление. Прибавьте к этому раннее вставание, очереди и беготню по лавкам, иной раз приходится в полном смысле этого слова исколесить весь Грасс, и как ни стараешься, все же приходится иной раз тащить тяжелые мешки. Впрочем, эту прозу жизни все переживают, и если бы я была моложе и здоровее, то она мне даже и нравилась. Существуют в моей жизни и поэтические минуты: раннее вставание дает всегда чудесные впечатления от природы, которые Вы так мастерски описали и глубоко прочувствовали, именно иной раз «мельком» стоит дороже, чем «пристальное».

Удастся читать прекрасные книги. Сейчас я наслаждаюсь «Путями богословия» Флоровского. Очень полезная для меня книга, сводка развития не только русского богословского духа, но и светского, соприкасающегося с религиозными исканиями: о Хомякове, Соловьеве, К. Леонтьеве, Юрии Самарине и других. Эту книгу, конечно, нужно изучать, или, вернее, с ее помощью изучать тех, о ком в ней говорится, но это идеал, а пока я благодарю Бога, что она очутилась в

моих руках и для поверхностного ознакомления. Дал мне Владыка (27) Каннской церкви, в день Крещения. Я с Зуровым была в церкви, и после водосвятия батюшка настойчиво пригласил нас обедать. Я сидела рядом с Владыкой, и давно не вела такого хорошего и вдумчивого разговора. При прощании я попросила его дать мне какую-нибудь духовную книгу, и он дал мне эту, что меня особенно тронуло, что он сам начал читать и уступил. Он очень умный и образованный, и добрый. А для отдыха сейчас в моих руках бывает «Семейная хроника» Аксакова и другие его произведения. Чудесный язык и очаровательный писатель, и человек... Получила в подарок книгу посмертную Шестова. Сейчас ее читает Лёня, а после «Путей» примусь и я за нее. Так что, видите, времени у меня для радостей больше, чем бывало в Париже. Огорчает одно: не могу писать, нет сил. Это огорчает. Но, может быть, скоро и это преодолю. Мне Ив. Ал. достал четыре банки бычачьей крови, одну кончаю, и уже чувствую некоторый прилив сил, тогда, Бог даст, и Вам писать буду чаще. Дело в том, что я мало ем, то, что иной раз достанешь, как то яйца, или сало — мне есть нельзя, похудела: вся в линиях! Что пугает моих мужчин, которые трогательно стараются меня «питать», пичкать, но их старания очень далеки от серьезного воздействия, и я все хую. А в доме у нас два человека, которых нужно собственно говоря усиленно питать: Марга и Лёня. У первой почти всегда в пять часов подымается температура, но она небрежно относится к своему здоровью, что приводит Галю в большое беспокойство. Уроки ее у маркизы продолжают. Поездки утомительны. Иногда они проводили там уик-энды. Но теперь вилла продана, Барсуков дал концерт в Каннах, и они уезжают на три недели в Верхнюю Савойю. Я надеюсь, что за эти три недели Марга отдохнет, если, конечно, будет благоразумно вести свою жизнь.

Лёня⁽²⁸⁾ только что перенес грипп, заразился от меня, да и начал вести обычную жизнь, побывал на русских праздниках и у Самойловых, и у Кутеталадзе, и в церкви, устал и схватил то, чем все больны. Но у него есть благоразумие, он сразу слег в постель и быстро перебил температуру, и теперь на пути к выздоровлению, только еще кашляет, а погода туманная.

Иван Алексеевич, слава Богу, здоров. Перечитывает свои рассказы, писанные осенью. Иногда страдает обычным своим недугом и тогда раздражен, а когда он проходит, то сравнительно в хорошем духе.

Вчера в мое отсутствие был каннский батюшка со святой водой. Я ездила «по делам» в Ле-Рурэ. Вернувшись, я почувствовала хорошую атмосферу дома. Дай Бог, чтобы она продержалась.

Дома меня ждали письма от Ляли и Олечки. Олечка описывала елку: «Эта сказка называется: “Как к девочке Олечке пришел Дед-Мороз”». Описание на четырех тетрадных листах. Написано хорошо, с юмором, со страстным желанием верить в Деда-Мороза, которого в этом году изображал ее отец: «Папа пошел за молоком. Вдруг кто-то застучал в дверь очень сильно. Олечка посмотрела в окно и увидела Дедушку-Мороза. Он был в белой шубе, в сапогах, в черных штанах, с белой бородой, в белой шапке и хромал. Олечка вышла с мамой и увидела белый большой мешок. А Дед-Мороз уходил по снегу в лес. Олечка ему закричала: “Дед-Мороз”. А Дед-Мороз сказал: “Что?” Я сказала (тут она сбилась): “Ничего”. И Дед-Мороз ушел. Потом они зажгли елку и стали разбирать подарки. А оказывается, Дед-Мороз повидал Олечкиных друзей — Нику и Ваню, и они передали Деду-Морозу подарки». Тут идет перечисление их. В конце страницы картинка: елка с подарками, книжка от Ники с повторной надписью, а в конце письма тоже картин-

ка — домик, дорожка к другому домику. И писать, и рисовать она стала лучше. Как-то прислала Ив. Ал. настоящую маленькую сказочку. Горцам хорошо описала, как котенок взбирался на елку. Деликатна: мне о кошках никогда ничего не пишет. Но живут они пещерно. Ляля писала, что на нашем Рождестве так было холодно, а она была в жару и с кашлем, а лечь нельзя: постель была промерзлая!... Они развели было птицу, могли кое-как существовать, но корма не оказалось, и много было замерзлых трупиков... Когда Ляля выходила, то все ее питомцы набрасывались на нее, требуя пищи, а индюшка даже кидалась кусаться, так что нужно было защищаться палкой... Вот вам страничка из нашего времени. Слава Богу, что любовь Ляли к Олечке преодолагает все трудности жизни, и она этой любовью спасется.

Очень радуюсь, что Вы так хорошо работаете, уверена, что и писать картины скоро станете. Что делать, у всякого своя судьба, а художники лучше, чем кто-либо, умеют совмещать несколько дел. Всем известный Леонардо, например! Не только аппетит приходит во время еды, но также и работа, вернее, аппетит к работе. Нужно стараться все делать хорошо, а остальное от Бога.

О Гончаровой ничего не слыхала. Значит, в Париже. Марья Самойловна должна быть уже у Шурочки.

10 января скончалась Фаина Осиповна Ельяшевич, у нас дружеские отношения длились больше сорока лет. У нее было что-то мозговое. Сильно страдала. Муж прислал отчаянную открытку.

Привет от всех-всех Вам и Игорю Николаевичу.

Ну вот, наконец накатала Вам письмо. Жду ответа и прощения, крепко целую

Ваша К. Ника

Как чувствуете себя душевно?

И. А. получил Ваше письмо. Он просит передать низкий поклон и благодарность.

В.

Встречаю Наташу (29) на базаре. Ник. Як. (30) видела у бабушки, рядом обедали. Марью Карловну (31) давно не видела.

Еще раз обнимаю Ваша В. Б.

2 апреля 1941 года

Дорогой Корсиканец. Ваше письмо дало мне радость: когда я получила его, то подумала, — вот сейчас сяду и напишу, могу поделиться тем, что я только что сделала, в подробностях, но была суббота, я была дежурной, и мое желание не осуществилось. И только сегодня я пишу Вам, — а что было 8 марта!

А хотела тогда написать, что я ко дню рождения послала Олечке, ибо, как всегда, были и явные и тайные подарки. Но прошло время, и прошло желание об этом писать. Из Вашего письма к Ив. Ал. узнала, что может быть Вы заглянете к нам. Очень обрадовалась. Может и в ночевку и погуляем, побеседуем на все темы, какие только есть. А то у нас, как говорил мужик в одном рассказе Бунина, «воды много, а пить нечего» (это про Великий океан), так у нас: народу много, а погулять не с кем...

Сегодня светлый солнечный день, хотя и холодно. А вчера было мрачно, дождливо и ветрено. Но март месяц взбалмошный.

Августе Протогеновне Самойловой сделали операцию. Сегодня Леня едет узнать о результатах. Я вчера получила письмо из Рурэ, шло 4 дня! А из Ниццы в Канны так целую неделю одно письмо путешествовало.

Был концерт маркизы. Все как у больших: чудное длинное платье, прелестного синего тона, линии —

шик! Корзины цветов. Народу меньше приличного, рецензии хвалебные, но лучше бы Марга пела... хотя аплодировали мы дружно. Но Марга как профессор пения — молодец! Натаскана маркиза очень. Но нет ни очарования, ни даже голоса, я уже не говорю о «душе», которая вообще у нее заменяется паром.

Атмосфера у нас легче. Все ясно. Требовать нельзя. Все смирились и тихо живут.

Вчера отняли молоко от Марги и Лени. Эти два дня с мясом, а потому не так заметно. Леня решил молоко заменить оливками. Я тоже по совету Завадского⁽³²⁾ (какой он доктор? Можно у него лечиться?) ем 100 гр. оливок в день. Вообще же питаемся мы плохо, почти только по карточкам, и всегда остаются тикеты *) на мясо, значит получаем меньше, чем полагается. Говорят, что особенно тяжелым будет апрель, хорошо, что три недели приходится на конец Великого Поста.

В церкви бываю редко, но все же бываю. Была на рождении Олечки. Преждеосвященная обедня очень волнует всегда меня, и «Да исправится молитва моя» вызывает слезы. Очень жалею, что не могу часто бывать на этих службах.

Звонок к завтраку. Сегодня радость — рис, да еще с маслом! А к обеду бараньи котлеты! Шик да и только. Сейчас иду в город записываться на что-то, еще потроха стали есть и конину.

Одно время немного писала. Надеюсь продолжать, но мешают заботы. Настроение мое бодрое. Мораль хорошая. О будущем не думаю.

Храни Вас Христос.

Привет Игорю Николаевичу и Вам от всех.

Я целую Вас нежно

Ваша К. Ника

Горцы ждут в пятницу к себе Льва Ник. и Наташу. Я давно никого из Ваших не видала.

*) Ticket — талон.

9 июня 1941 года

Дорогой мой Корсиканец, что Вы о нас думаете? И что я о Вас думаю... Столько времени не писала Вам, не поблагодарила Вас за Вашу милую посылку, за которую не раз помянули Вас добрым словом. И все потому, что я хотела Вам написать настоящее письмо, а не отписку, а на настоящее письмо не было ни сил, ни возможности. Знаете: день за днем, мелкие заботы, усталость, требующая лежанья, а там дежурство, а там беги за мясом или еще зачем-нибудь. Все Вы знаете и понимаете, а потому и прощаете. Во всяком случае мы все были очень тронуты, быстро съели «свинства» и гораздо медленнее чечевицу, которую я, впрочем, не вкушаю, мне это запрещено, а другие, особенно Леня и Марга, очень довольны. Но почему Вы не написали, сколько это стоит, тогда бы ответ был быстрее.

Я завтра надеюсь поехать на сутки или двое в Монте-Карло к Л. Г. Доброй. Для этого целую неделю жила очень размеренной жизнью. Слава Богу, недели полторы болей не было. Ем я очень осторожно и стараюсь не утомляться. Теперь и Бахрах⁽³³⁾ дежурит, я выиграла целый день свободы. Представьте, он — хороший повар и с творчеством в этом направлении. Теперь у меня работы два с половиной дня в неделю, два раза утром, по субботам и вторникам, хожу на базар — выдают мясо, и раз или два вечером за гресеном*) для Ив. Ал. Стараюсь не носить тяжелого, и стало мне лучше. В дни дежурства мне помогает Леня.

Звонят к трапезе. Буду кончать после обеда. Сегодня как раз день Бахраха. Горцы от этой комбинации выиграли полдня.

Пообедали. Ничего, слава Богу, сыты.

*) Gressin — род сухарей.

Я в это время читаю переписку Флобера. И опять, как в молодости, понемногу влюбляюсь в него. Как он не похож на француза. Какая у него широта взглядов и смелость суждений. И что за нежный сын, что за восхитительный любовник в широком смысле этого слова. Как часто я жалею, что раньше не читала этих изумительных писем, и какой он друг! И его жизнь в «башне из слоновой кости» мне так близка... Но, конечно, в молодости он был бы мне ближе, чем теперь, он не был религиозным человеком, ортодоксально религиозным, в остальном вкусы почти одинаковые — путешествия, работа, интимные отношения.

Сегодня была утром у Самойловых, забыт там был мой зонтик, вот я и ездила за ним. Большие пошли строгости. Нельзя даже соседу продать пучка салата. Все переписывается. Нельзя без разрешения вырыть картошку даже для собственного потребления. Все нужно продавать оптовику, а уже у оптовика можно покупать для мелочной продажи.

Из Парижа нерадостные вести. Очень холодали. Наши вспоминали русский большевизм: были и котлеты на касторке, и каша из овса, и чай-бурда. Но русские по-прежнему ходят друг к другу в гости и до хрипоты решают мировые вопросы за чаем-бурдой со своим сахаром и хлебом... И индивидуализм русский проявился сильнее: каждый имеет свою точку зрения, порой очень неожиданную, которую и защищает с пеной у рта. И зачастую вчерашние друзья оказываются врагами, и наоборот.

Плохо очень писателям: Зайцеву, Шмелеву, Ремизову и другим. Особенно после трагедии с Сербией. И как помочь, не знаю. Вообще мне пишут, что большинство русских живет без всяких средств. И все было: и недействующие нужники, и лопающиеся трубы от мороза, и спанье не раздеваясь.

Ваших давно никого не встречала. У нас тоже никто не был. На первый день Пасхи только И. А.

был у Федорова, остальные были в Ле-Рурэ. А я дома, — у меня был сильный припадок. Кроме яиц и немного ветчины мы ничего пасхального не ели. Впрочем, кажется, кто-то ел пасху из козьего молока и кулич у Авг. Прот. ⁽³⁴⁾. Теперь идет последняя мясопустная неделя, на следующей начинается Петровский пост. В этом году он не очень длинный, меньше месяца. Зато в будущем году будет почти самый длинный, какой только может быть, так как Светлое Воскресенье будет в Лидин день, то есть 23 марта по старому стилю, а самая ранняя Пасха может быть только 22 марта ст. стиля.

Еще раз благодарю Вас. Если опять пришлете что-нибудь, будем благодарны, только ставьте цену.

Привет от всех нас милому Игорю Николаевичу. Отчего Вы ничего не написали об его поездке в Швейцарию?

Обнимаю и целую Вас.

Ваша К. Ника

Все шлют дружеский привет. Погода ужасная: холодно, дождь!

8 сентября 1941 года

Милый Корсиканец, Ваши краски у Вашей тахты. Жаль, что не можете подняться и воспользоваться и тем и другим.

Ждем вестей от Вас.

Дюкло ⁽³⁵⁾ двоюродная племянница мужа Л. Г. Добрай.

Наши царевичи ездили за райскими яблочками и кое-что привезли.

Спасибо за три персика, — я нашла их в мешке.

Ящик с красками принес к нам Леня. — Привет маме и мужу.

Целую Вас

Ника

19 октября 1941 года

Дорогой мой Корсиканец!

С приездом! ⁽³⁶⁾ Воображаю, как Вы устали! Вчера получила шляпы. Спасибо. Одну уже отдала прогладить. Очень кстати.

Получили приглашение к одной богатой даме, она живет под Кабрисом, она — друг André Gide'а. Леня писал уже Вам об этом новом знакомстве. Он очень простой и приятный человек, хотя, кажется, с норвом. Оказалась у него дочь 18 л. Она воспитывалась в атеистическом кругу и не знает, кто такие Адам, Ева и их потомки. Сейчас «Андрюша», как мы прозвали его, ибо он не выносит ни Monsieur, ни Maître, переселился в Ниццу, где она живет с бабушкой, и дает ей уроки не закона Божьего, а Ветхого и Нового Заветов. Повидимому, он был женат дважды, так как первая жена его кузина, старше его на два года, а ему 22 ноября стукнет 72 года, ей, значит, 74. Восемнадцать лет тому назад ей было 56 лет, едва ли она подражала Сарре. А впрочем, все бывает. Да и первая жена, то есть жена, о которой известно, была из религиозной семьи.

Половина наших семейных праздников прошли.

Мои именины ознаменовались огромным селезнем, даром от Самойловых, бутылкой водки — от И. А., бутылкой Сензано — от Гали и Марги, манной крупой и мылом от Лени, вареньем и книгой Montaigne, выборки Андрэ Жида — Алей ⁽³⁷⁾, коробкой конфет из Cannes от Ганшиной, — новые знакомые из Швейцарии, — и большой картонкой с виноградом, зеленой фасолью и баклажанами — привез Жорж от виллы «Юа». Так что все, как прежде, только подарки несколько иного духа, Ляля прислала фотографии Олечки. Выросла, очень мила, кормит кур и кроликов. А она похудела. А муж очень постарел.

А на рождение мое Леня устроил приглашение к его приятелю, бобылю, живет там же, где Самойловы. Еда была русская, обильная — суп из петуха, жирный, на человека $1\frac{1}{2}$ птицы, потом жареный селезень, тоже по четверти на брата, с картошкой и зелеными бобами, вкусно, и моя печень на это не отозвалась, все поливалось вином и заелось виноградом.

От И. А. получила чудесный подарок — золотое перо, удалось найти настоящее, и тетрадь для записывания. От Марги и Гали эту бумагу и конфеты, от Лени рису и макарончиков. Он верен себе, волнуется моей худобой, хочет, чтобы я ела. От Али скрыли, праздновать нечего, дай Бог еще встретить этот день хоть несколько раз еще...

Ваших открыток из Парижа не получали. Вы отлично о нем написали в открытке из Лиона. Теперь мы все ждем от Вас писем. Как отдохнете, напишите. Платья я тоже получила.

У Марги горе: серьезно заболела душевно ее мама, которой 81 г. и у которой дети и там и сям. Марга очень страдает.

Я чувствую себя немного лучше, принимала что-то, да и питание пока сносное. Продолжаю много лежать. Теперь разрешено перевозить картошку 10 кило на везущего. Это великое счастье! И. А. уже не может сразу есть других овощей.

Много читала последнее время Андрэ Жида. Интересно. Но душа не с ним. Mauriac серьезнее и ближе мне.

Передайте привет Вашей маме и Игорю Ник. У нас были Наташа с мужем, они говорили, что Ваша Галя⁽³⁸⁾ здорова и покойна.

Все шлют Вам дружеский привет.
Я Вас обнимаю и целую

Ваша К. Ника

23 ноября 1941 года

Дорогой мой Корсиканец, спасибо за письмо. Книжки я еще не получила. Постараюсь исполнить Ваши поручения. Я, правда, в Ницце никогда не бываю, но Бахрах бывает там часто. Сейчас вернулся 24 ноября оттуда. Вы меня, значит, мало еще знаете, если могли предположить, что я могу быть на Вас в претензии за молчание. Я могу скучать без писем, беспокоиться, но никогда в голову мне не приходит, что человек меня забыл или «злостно» не пишет. Я сама могу подолгу молчать, хотя часто бывает, что именно и вспоминаю ежедневно тех, кому не пишу.

Что Вам сказать о нас? Живем. Атмосфера как будто стала лучше. Все как будто серьезнее стали смотреть на жизнь и меньше придают значения пустякам.

«Райские яблочки» кончились. Уверяют, что и у самих в обрез. Я была лично, но и это не помогло. Сейчас еще время сравнительно хорошее. Выдают картошку в последний раз по четыре кило. В будущем будет хуже. На рынке и теперь овощей мало, пуаро *), тыква, фенуй **) и сельдерей, иногда белая морковь, но за ней нужно встать в очередь и иногда простоять час. Рыба редко попадает нам в рот. Как-то купила два карпа, вкусно, но мало. Фрукты совершенно исчезли. «Угощаюсь» я своим кофеем, который Вам так понравился, но эту неделю буду им угощаться реже, так как сахара у меня не осталось в этом месяце за неделю — были гости.

У нас появилось новое знакомство, и на этот раз интересное. Люксембургская семья. У них имение за Кабрисом, в нем-то и жил Андрэ Жид больше года. Семья состоит из матери, дочери и зятя. Мать очень образованная женщина, тонко понимающая литерату-

*) Poireau — лук-порей.

**) Fenouil — морковник.

ру, друг многих писателей, вдова богатого заводчика, — треста Люксембург, Бельгия и Франция, кажется, железо-литейный. Очень милая и приятная по виду женщина. Дочь в возрасте наших барышень, высокая, в очках, похожая скорее на швейцарку или шведку, замужем за бывшим товарищем министра, высоким сорокалетним человеком, располагающим к себе. Раньше имели виллу под Иером. Дом еще не окончен. Просторный, напоминающий шведские дома и по белым стенам, и по удобным глубоким креслам и диванам перед высоким камином, где горели дрова, редкое теперь зрелище, и как я люблю смотреть на горящие поленья, смотреть, молчать и что-то думать, даже не думать, а скорее чувствовать. Столовая дубовая. Без скатерти, что я тоже люблю. Служил лакей в белых перчатках, это все равно. Вино в небольшом количестве, но хорошее. А пирожное прямо редкое, даже у Самойловых такого не ела. Кофе с коньяком. Чай с вареньем на хлеб и медом тоже на хлеб. Люди внимательные: вызвали для нас машину, и мы спокойно спустились на Жанет. Мать через Жида познакомилась с книгами И. А. И пришла в восторг от его писаний. Она большая поклонница Толстого. И как раз у нее гостила внучка Льва Николаевича⁽³⁹⁾, очень милая женщина, которую хозяйка любит как свою дочь. Кроме нее был там еще писатель Жан Шлюмберже, тоже друг Жида. Разговоры были на всякие темы, и даже на литературные. Говорили между прочим о Клоделе. Словом, я давно не была в таком обществе. Мы им отмыслили чаем, который тоже удалось прилично сервировать. Я пригласила в субботу, когда можно кое-что достать, кроме того мне мадам Добрая прислала как раз накануне фунт чудесной халвы, откуда она достала ее? что было уже «кулер локаль» *), кроме того было на настоящем сахаре варенье из абрикосов,

*) Couleur locale — местный колорит.

что мы тоже намазали на хлеб и что тоже имело успех. Толстая уже уехала к себе в Марокко, где слушит ее муж Львов и учится сын. Виено, фамилия дочери, сейчас в Лионе, уехали на десять дней. Да, я забыла, дочь поклонница Достоевского. Они с матерью были в Москве, когда ездили в Персию. Мать вообще очень любит путешествовать. Сейчас я читала Дневник Андрэ Жида, который они мне дали на прочтение. Эта книга стоит сто семьдесят пять франков. Андрэ Жид обещал мне подарить ее, но подарил Бахраху, который теперь в Ницце угощает Андрэ Жидом своих друзей, которые в свою очередь угощают А. Жида хорошими завтраками и обедами, на двух был И. Ал., так что все довольны: одним лестно, а другим вкусно: добрый человек Бахрах!

Ну вот Вам и новости. Леня очень огорчен смертью Круга⁴⁰). Я боюсь за Додика, хотя его духовное состояние должно его очень поддерживать.

Я тоже люблю английский язык за его сжатость и краткость фраз. А слово «вох» имеет, кажется, всего больше значений. Самое трудное понимать, потом говорить, потом писать, а всего легче читать.

Сейчас Марга на аукционе купила две хороших шерстяных рубашки за 35 фр. каждая. — Ляля и Олечка живут без света. По вечерам освещаются печуркой! У Олечки нет ни одной пары шерстяных чулок.

Привет сердечный Вашей маме и мужу. Как они жили без Вас? Все кланяются Вам. Целую.

Ваша Ника

22 января 1942 года

Поздравляю Вас, дорогой мой Корсиканец, с днем Вашего Ангела и желаю в наступившем году Вам и Вашим возможных радостей, а главное здоровья и бодрости духа.

Я у Марьи Ивановны. Завтра сороковой день. Будет здесь панихида по Виктору Михайловичу ⁽⁴¹⁾.

Я третий раз гощу у нее по несколько дней. Она держится стойко, но ей, конечно, очень тяжело коротать дни в одиночестве. Жорж всегда занят. Лёня у них прожил первую неделю после ее возвращения от Владыки, где она прожила с неделю после похорон. Сейчас все ее упования на приезд Лидочки. Идут хлопоты и отсюда и оттуда. Будем надеяться, что они увенчаются успехом, иначе ее жизнь станет очень горькой.

Здесь я немного обогреваюсь, ибо центральное отопление у нас бездействует, я даже камина в своей комнате не зажигаю — слишком мало дров. Но теперь не за горами тепло.

Мы очень мило встретили Новый Год по старому стилю. У нас были наши каннские новые друзья, Анна Никитишна Ганшина и супруги Либерман. Он пианист. Было мясо (на счастье), водка, посильная закуска, каннцы привезли пирог, бульон, торт, пряник, я достала *gateau du roi* *), печенья. Словом, поужинали так, как давно не ели, затем в салоне перед камином сначала просто сидели, а затем пили чай с вкусными вещами, а в промежутке Леня сварил глинтвейн. Часть ушла спать в полночь, и мы — m-me Ганшина, Либерман, Лёня и я — просидели до 2-х часов, ведя очень интересные разговоры, и чего-чего мы не касались. Много говорили о музыке, литературе. Либерман умный и тонкий человек. Спать гости легли по-вагонному, сняв только верхнее платье. Настроение весь вечер было у всех хорошее, дружеское. Я, кажется, после родного дома никогда приятнее не встречала Нового Года. И, не сглазить, с этих пор и дома хорошая атмосфера.

Я тоже выхожу иной раз до свету и чувствую всю

*) *Gateau du roi* — рождественский сладкий пирог.

поэзию раннего вставания, предутренних звезд, просыпающегося города.

Кланяйтесь от меня Анне Марковне⁽⁴²⁾. Вы объяснили бы еще нам, кто такая madame Милюкова. Мы знакомы со Сталями 22 года, а по виду я еще знала А. М. и в Москве, лет 37 тому назад. С ней ли Марья Александровна Якунчикова? Если да, то передайте ей наш привет. Хорошо, что у Вас оказалось в Лионе такое знакомство. С André Gide'ом у меня не было, нет и не будет никакого романа. Я думаю, что он при встрече не узнает меня. У него amitié amoureuse с Бахрахом. А обещал он мне свой journal еще до знакомства со мной, но потом решил отдать этот экземпляр Але. Я как раз сейчас читаю его, достала у новых наших знакомых. Многое очень интересно. Но многое мне чуждо. Он очень уж обнажается. Через него можно много объяснить и понять в довоенных эпохах в известных кругах.

Солнце теперь редко показывается. Последние дни низкое серое небо. Утром иней. Сейчас гуляли по St Jacques'кой дороге. Просырели изрядно.

Олечке удалось еще сделать Рождество с Дедом-Морозом. Принес он ей и книжку Новый Завет. Дал мне отец Николай. Не знаю, где достать Ветхий. Книжки отца Афанасия⁽⁴³⁾ прелестны. Очень жалею, что они не мои. Наташа Муравьева их отвезла.

Я чувствую себя крепче. Очень поправилась — стала все есть и пить. Но вес за последний месяц опять упал на 1 к. 300 — теперь 53 к. 300, так что линия не портится. Хожу легко. Недавно принесла 5 б. вина снизу из города на Jeannette. Но это уже глупо. А три могу легко принести. Ив. Ал. похудел еще, Леня тоже, как впрочем и все, остается без перемен только Аля.

Привет сердечный Вашей маме и мужу.

Вас нежно целую.

Ваша Вера — Ника.

[Июнь 1942 года]

Дорогой мой Корсиканец, действительно, я давно не писала Вам, так как из Вашего последнего письма я увидела, что Вы не имеете ни малейшего представления о нашей жизни.

Первое — моя довольно серьезная болезнь, вернее болезни: очень сильное малокровие, язвочка в канале пилор, опущение желудка и артрит правого плеча. Лечусь серьезно. Исхудала я сильно — 50 кило с чем-то.

Второе, горцы нас покинули: живут в Каннах в снятой маленькой квартирке, состоящей из двух комнат. В столовой газовая плита. Квартирка над бывшим гаражом, стоящим в саду. Поэзия да и только! Это — сказка, и из тысячи и одной ночи: нашлась щедрая и добрая душа, которая дает им возможность хорошо жить. Марга прирабатывает около тысячи. Кроме этого, она помогает «встать ей на ноги», и в будущую субботу она дает в Грассе концерт — Шуберт и Мусоргский. Марга тоже больна, но болезнь ее никак не могут определить. Последний слух, что будто бы один врач думает, что у нее базедова болезнь, худшей болезни для певицы и не придумаешь. Видаемся с ними очень редко. В последний раз они были у нас в наше отсутствие.

За это время я стала бывать в Ницце, так как лечусь у Розанова⁽⁴⁴⁾. Иногда ночью. Там у меня есть несколько приятельниц, и я немного развлекаюсь.

Помните Вы Наталью Федоровну Гетье-Любченко, она жила у С. Л. Еремеевой в детском преванториуме? Ее мать, которая там тоже работала, недавно скончалась от полного истощения, и она приехала, но к сожалению уже не застала ее в живых, даже и к похоронам опоздала. Она с мужем довольно хорошо устроилась на севере. Из ее рассказов я многое поняла и представила. Она совсем из другой среды, чем мы с Вами.

Как здоровье Анны Марковны? Кланяйтесь ей, если Вы ее видите.

Зима была у нас холодная, и мы очень страдали: мерзли руки, ноги. Я большую часть времени проводила в постели. Много перечитала. Всего Андрэ Жида и несколько книг о нем. Читала и русских классиков. Даже устала от чтения. Последнее время читаю меньше, нужно очень много штопать: у меня несчастье, я должна круглый год носить чулки, а ведь раньше месяцев пять можно было о них не думать. Чулки поддерживают мой пояс, который необходим мне из-за опущения желудка.

Олечка тоже нездорова. Ее тоже радиографировали, как и меня, и у ней оказался опущен желудок, но у нее беда, как всегда, с кишками — колит. В их районе не дают ни пат *), нельзя купить и флюконов **) на хлебные карточки. Мне удалось устроить ей из Земгора маленькую посылочку, а раньше я сама ей уделяла из своих запасов. Меня друзья все время поддерживают. Кроме того удалось устроить ей 500 франков из Швейцарского детского комитета. На эти деньги они и съездили в Монтабан. Олечка очень выросла, и бедной Ляле приходится по целым дням ей все удлинять и удлинять. Как они переживут следующую зиму, если останутся на ферме, не представляю. Отец ездит на автобусе, получает в день 40 франков, работает четыре раза в неделю. Всю зиму ни Олечка, ни Ляля не могли никуда пойти в дурную погоду за неимением обуви! Не было у них и света, по вечерам комната освещалась огнем из печурки. В плохую погоду ветер гулял по комнате, так как дуло из огромного камина. Одно время у них жила целая семья казаков, но, к сожалению, ее переманил сосед, и земля так и осталась невозделанной.

*) Pâte — макароны или лапша.

**) Flocon d'avoine — овсянка.

Июнь у нас холодный. Только что прошел дождь на радость всем огородникам. Леня разбил небольшой огород, который уже приносил нам редиску, но бобы из-за засухи все погибли, съели только горсточку, зато морковь, русские огурцы и томаты обещают давать нам радости. Леня тоже потерял много кило. Эти дни он нездоров, простудился, да что-то и с желудком. Настукала это письмо, а отправить не удалось: у Лени t° вскочила до 40°. Доктор определил отравление. Третий день в постели. Сегодня лучше. Ваксины помогли. Диета. К счастью, от прежних времен осталась горсточка рису. Удалось недавно достать карт. муки. Варим кисель из персиков. Одну ночь он потел гомерически. Пот заливал уши, глаза. Менять рубашки приходилось ежечасно. Съел колбасу, пролежавшую трое суток!

Мои мужчины Вам всем кланяются. Я Вас обнимаю и целую

Ваша К. Ника

Простите за кляксу — потекло перо, — руки как у готовишки!

3 октября 1942 года

Дорогой Корси, спасибо за оба письма, за поздравление, за всякие милые слова.

День мой прошел на редкость приятно. Я со всех сторон видела только любовь и внимание. На дневной чай собрались все известные Вам лица — Ваша belle-mère, Ваш beaux-frère с женой, Алла⁽⁴⁵⁾, Елена Петровна и Жорж. Я никого не приглашала, но была рада всем, кто меня вспомнил. Была очень приятная, непринужденная атмосфера. Домашние тоже не огорчали, старались мне помочь, кто как умел.

Получила 19 письменных поздравлений, теперь пишу благодарственные письма. Вам — девятое.

Сегодня расстроились сильно: Илюшу (46) увезли в «полумертвом виде» — «мы его, конечно, не увидим». Очень тяжело.

У нас было несколько дней холодных, вынула шерстяные вещи, а дня два как стало опять тепло, я опять ходила на базар одетая по-летнему. Вашу тетю давно не видала, боюсь, не больна ли она?

Вы ничего не пишете, чем кончилось у Вас «с выселением». От Ваших ничего не слыхала, конечно, не спрашиваю. Сейчас выдали картофель, а то с овощами было плохо, а в дурную погоду пропадает виноград, выдают тогда по 250 гр. на рот.

Очень беспокоят меня Ляля с Олечкой. Жиров сдал даром на три года ферму, они должны куда-то уехать, а еще не знают куда. Я да и никто ничего не понимают, как это даром!? Почему не взяли хотя пустяк! Ко всему, арендатор, красавец старик итальянец, крайне неприятный человек, говорящий уже таким тоном, каким говорит «начальник шайки бандитов». Вот это положение! И оставаться на ферме нет возможности — нечего есть. Нужно искать работы, а как существовать пока? Есть у них намерение ехать в Париж. Но без денег как это сделать? Просто иной раз заснуть не могу. Помолитесь Серафиму Саровскому, поставьте свечку. Я еще нескоро попаду в церковь. Я молюсь о них всегда Саровскому. Он жил в лесу, и они два года прожили в глуши лесной, конечно, глушь не наша, но глушь все же дикая!

Барышни прислали мне поздравительные открытки. Марга — до краткости официальную, Галя более пространное поздравление. Я ответила Марге тоже лаконически, а Гале небольшим письмом, довольно сердечным.

Квартиру нашу сдали семье из 4 человек. Мать, отец, сын 22 л. и сын 8 л. Молодой человек инженер, Михайлов пишет, что симпатичный. Фамилия их Грев.

Плата по триместрам по 950 фр. в месяц. Мы очень довольны. Все наши сундуки поставлены в маленькую комнату: Грев будут жить в трех больших. Если дом устоит, и случайная бомба в него не упадет, то мы сохраним и наш архив, и нашу горе-мебель.

Вот кажется и все.

Надо ложиться спать. Уже близка полночь. Я, было, легла по Вашему совету спать в 8 ч., но в 10 поднялась и села за письма.

Как здоровье Анны Марковны? Привет ей большой от меня.

Все мы кланяемся Игорю Николаевичу. Мои нерыцари шлют Вам поклоны и приветы

Я целую Вас

Ваша Ника — К.

Олечка прислала письмо, состоящее из одних вопросов, из этого заключаю, что ей на душе тяжело. «Выпиши мне все подарки»... Я ей все «выписала».

18. XI. 1942

Дорогой мой Корси, давно не было от Вас весточки. Как живете? Как доехала Елена Александровна (47)? Мы беспокоились, так как было известно, что она очень измучена.

После ее отъезда, Вам, может быть, известно, что над Bourcelle'ем (48) грянул гром: Наташе пришлось покинуть его как американке, — неудачно ее родители выбрали ей место рождения! Дано было на сбор 48 часов.

Иногда заглядываю к Вашей тете. Она, бедная, еще в постели и по ночам сильно страдает. О, французские эскулапы! Нет у них этических свойств русских врачей. Пальцы двигаются свободно, что меня успокаивает, но я в этом ничего не понимаю.

Часто бывать у нее я не могу, т. к. чувствую себя

сносно тогда, когда веду жизнь якобы «санаторную», то есть много лежу. Жаль ее очень, хотя для всего организма ей, конечно, хорош покой, да и питается она лучше пока.

Олечка с мамá в Монтобане уже целый месяц, но за все время Ляля не удосужилась написать мне обстоятельного письма. Муж ее сдал даром свою ферму на три года! А где он? мы не знаем... Из коротких открыток понимаем, что Ляля с Олечкой — одни. Боюсь, что Олечка и там еще не ходит в школу.

Из Парижа вести редкие. Последняя очень печальная — скончался мой близкий друг, друг с 18-летнего возраста, от воспаления легких. Сторел в одну неделю. Человек энергичный, живой, полный сил. Я сейчас нахожусь в большой печали.

Желаю Вам душевного спокойствия. Помните одно: все дурное рано или поздно вернется к тому, кто делает это дурное, как и хорошее.

Привет и поклон от нас Елене Алекс. и Игорю Никол.

Ваша К. Ника

P.S. А наш город стал шумным, оживленным местом *).

5 января 1943 года

С Новым Годом и наступающим Рождеством Христовым, дорогой мой Корси, желаю Вам здоровья и возможных радостей. Как провели французские праздники и как думаете провести русские? Завидую, если пойдете завтра в церковь ко всенощной, замечательная служба!

Я думала, было, поехать к обеду в Ла-Бокка на Рождество, да здешняя молодежь решила у нас устроить «сочельник», — жалею, что Вас не будет с нами. Приходится отложить до Крещения.

*) Т. е. оккупирован.

Последнее время я много работаю во всех направлениях. Есть перемена и со стороны — своего рода товарообмен, это помогло провести праздники вкусно.

Зашла вчера поздравить Любовь Александровну⁽⁴⁹⁾ и застала ее в grippe. Лежит в постели, щеки пылают, насморк, кашель и полное одиночество. Сказала, что за три дня к ней кроме меня зашла какая-то барышня, которая ей должна сегодня принести хлеба и аспирина. Картина жуткая. Но что поделаешь? По-видимому, у ней нет близких людей в Грассе. Дай Бог, чтобы все кончилось гриппом без осложнений.

Погода солнечная, небо безоблачно, оттого часто алерты *). Иногда по две в день.

Мы все сидим больше дома. Из Грасса не вылезаем. Ездить сложно, особенно в Ниццу, — приходится переходить мост пешком (железнодорожный), т. к. тот, по которому катили автобусы, не существует.

Ваших «бо-паранов» не видела целую вечность.

Ив. Ал. шлет Вам поклоны и поздравления, а также и Вашим, Л. Ф. просит передать поздравительский привет Иг. Ник. и Вам. Я поздравляю Вашу маму, его и Вас.

Обнимаю, целую, Ваша

К. Ника

Люб. Ал. просила написать, что она благодарит Вас за Ваше милое письмо, но ответить сейчас не в состоянии.

15 января 1943 года

Милый мой Корсиканец, спасибо за письмо и за поздравление. Я как раз думала написать Вам. Вы плохо знаете еще меня, предполагая, что я могу считаться письмами с людьми близкими. Я сама иногда

*) Alerte — воздушная тревога.

подолгу, подолгу могу молчать. И, по правде сказать, я редко помню, кто кому бывает «должен». Не написала я Вам к празднику потому, что писала много открыток в Париж, а это для меня утомительное дело, так как готовые французские фразы не выражают того, что хочется сказать, а так владеть французским языком, как я владею русским, я не умею. Кроме того, я все праздники была расстроена здоровьем Ляли. Около месяца тому назад у нее начались головокружения, к 24 декабря обнаружилась ангина, а к нашим праздникам у нее распухли ноги вокруг щиколоток, стали огненно-красными. Врача она еще не позвала, что это такое? я не знаю. Но сердце болит за нее. Ясно, что она переутомлена донельзя своей тяжелой, почти безрадостной жизнью. Они с Олечкой в Монтобане. Долго рассказывать их перипетии. Отец Олечки уехал на работу, но посылает им маленькими суммами около 900 франков в месяц. Комната стоит 300 франков, как вдвоем жить на 20 франков в день? Конечно, Ляля и не доедала, кроме того ей пришлось много хлопотать и о документе, и о перевозке дров из деревни в город. И вот она свалилась. И какая досада, Олечка только что поступила в лицей, там она и завтракает. У Ляли было бы свободное время, и она могла бы что-нибудь придумать, чтобы прирабатывать, а тут болезнь. Я послала ей денег на доктора и на лекарства. Если болезнь не очень серьезная, то буду благодарить Бога. Помолитесь и Вы за нее. Как ей жить одной с девочкой, которая еще мала и не все может сама делать!

Мы сравнительно здоровы, все на ногах, но, конечно, все должны быть под наблюдением врача. Моя язва прошла, но малокровие дает себя чувствовать иногда очень сильно. У Яна болят сильно пальцы на руках. Страдает он и от холода, хотя зима и мягкая, да он у себя и топит. Лёня тоже должен быть всегда

начеку. В настоящую минуту он ни на что не жалуется, но малейшая простуда затягивается и портит его нервы. Питание, конечно, далеко не такое, какое ему нужно.

На праздниках мы несколько раз хорошо ели, благодаря друзьям и знакомым. 24 дек. один приезжий парижанин угощал нас ужином в ресторане. Поели до отвала. В наш сочельник сделали у нас ужин вскладчину из продуктов, и тоже были сыты. А вчера в Рурэ, не у Самойловых, мы хорошо позавтракали. Был куриный, очень жирный, суп, потом курица с пуашишем*) и пюре с луком, и все плавало в жиру. Вернулись домой и прямо в постель, и по Вашему рецепту 12 часов пролежала в кровати. И сегодня чувствую себя бодро.

Из Парижа всякое письмо приносит весть о смерти: нет уже в живых Бальмонта, Тесленко, еще несколько лиц, с которыми Вы незнакомы. Дошла ли до Вас весть о кончине Осоргина? Бедная жена в полном отчаянии. Он умер от склероза аорты. Очень страдал. Похоронен без всякого обряда, как он этого хотел, в Шабри.

18 января. Пришлось прервать письмо. А снова сесть за него через три дня. Весь дом еще спит, а уже десять часов. Стали вставать позднее. Ложатся тоже поздно. Но я пролежала сегодня двенадцать часов от девяти до девяти.

Завтра надеюсь поехать в Ла Бокка к обедне. Привезу святой воды.

Передайте мой сердечный привет Елене Александровне и Игорю Николаевичу. Все шлют Вам поклоны и приветы новогодние. Я целую

Ваша Ника

Я очень понимаю, что Вы не могли писать и что еще, даже пересилив себя и сев за письмо, Вы ничего

*) Pois chiche — род гороха.

не говорите о себе. Я читаю письма Толстого и нахожусь в его атмосфере, в которой давно не находилась.

Как здоровье Анны Марковны?

Видела барышень. Они произвели на меня приятное впечатление. Были в хорошем настроении. Ехали на именины Самойлова. Я просила их сделать что-нибудь для Ляли. Они отнеслись очень сердечно и обещали помочь. Я в два раза просидела с ними 3 с половиной часа. На Марге новый костюм и блузка, на Гале только новая блузка. Вид здоровый и довольный. Правда, накануне Марга получила от брата денежный подарок.

Еще раз обнимаю

К. Н.

27. I. 1943 года

Дорогой Корсиканец, 25 января поднимали бокал за Ваше здоровье. Не поздравила вовремя потому, что Аля был в отъезде, а я была погружена в марфины заботы и хлопоты, а в свободное время лежала. Сегодня утром он явился, и я пишу Вам запоздалое поздравление: с прошедшим Ангелом; все мы желаем Вам здоровья, бодрости и энергии до лучших времен.

Сегодня я встала до зари. Вышла из дому при месяце. Красиво было очень. Нравится мне обычай кланяться в темноте с пожеланием доброго дня со встречаемыми. Стоя в очереди на базаре, созерцала восход солнца. До отказа нагружалась всякими овощами, мясом, макаронами. И всех почти видела: m-me Stavrayu, Маргу, Вашу тетю, Лёню, ехавшего в le-Rouret к Тюкову, и затылок Вашего father'a in low в автобусе.

Начну по порядку — Елена Петровна быстра, энергична, очень моложава. Марга, напротив, сегодня имела вид сильно постаревший. Измятое лицо. Но была приятна, как вообще она во все последние встречи.

Я познакомила их со Ставраки, и они вели беседу на всякие темы за чашкой шоколада в Эстерели. Марга ехала в Кабрис. О Любви Александровне ничего приятного сообщить не могу. Она наконец пошла к врачу, и он напугал ее, правда, дело плохо: 29 давление, но я думаю, что не следовало все же одинокую женщину пугать. Я видела ее на прошлой неделе — и не узнала, так изменилась она... Испуганные глаза, вид более чем плохой. Она просила зайти к ней, но я не знала, что Бахрах вернулся, и не могла оставить Яна без завтрака. Обещала зайти завтра. Но, конечно, это лишь минутное успокоение, а так я ничего, видимо, сделать не могу. Кудер сказал, что положение очень серьезное, — нужен покой и т. д. Очень ее жаль, одинокую. Она что-то говорила о переселении в какой-то приют, но я плохо поняла, — так как должна была проводить Маргу.

Да, Марга будет опять выступать в Грассе — 6 февраля — с русскими романсами. Не знаю, пойду ли я, хотя мне хочется, давно не слышала пения.

Ляля беспокоит меня тоже. Олечка привела к ней доктора гомеопата, который стал ее лечить. Но головокружения еще не проходят. Муж прислал после ее отчаянных писем немного больше денег. Олечка, слава Богу, стала ходить в лицей. Но я всегда о них беспокоюсь, если нет вестей.

У нас же все по-старому. Живем тихо и мирно. Каждый работает в своей норе, а мы с Алей в кухне. И. А. кашляет. У Лёни бывает плохой вид. Боюсь, что огород ему вреден. Я прибавила 1 кило за месяц, чем и горжусь.

Зима мягкая. Много хороших дней.

Надежда, что и впредь будет не хуже во всех смыслах, хотя пугают голодом март-май.

Жду от Вас вестей о Вашей жизни. Привет Елене Александровне и Игорю Николаевичу.

Весь наш дом кланяется всем Вам.

Целую

Ника

Забыла написать Вам, что у Любви Александровны в очень плохом состоянии аорта. Понимаете, что это такое?

Обнимаю

В. Б.

16 марта 1943 года

Дорогой мой Корсиканец, Вы правы: ненаписанные письма самые талантливые, в них всегда много непосредственного и неожиданного и отсутствия страха обидеть адресата. Письма и я Вам подобные составляла. К сожалению, Вам они в руки не попадут. Спасибо за Ваше написанное. Недаром говорят, что «синица в руку лучше журавля в небе»... Приходится довольствоваться синицами.

Рада за Вас, что Вы стали заниматься любимым искусством. Не поняла, куда вы хотите ехать, куда Вас зовут? В Париж?

Не согласна с Вами относительно «вывиха». Вы естественно в те годы не могли отдаваться искусству, в творчестве нельзя ничего делать наполовину. Вы слишком любите свою семью, и любите их главным образом для них, а не для себя, а это всегда мешает уйти от всего и погрузиться в свое дело. Условия же жизни были очень неподходящие для занятия живописью. И как только Вы оказались в более или менее подходящих условиях, Вы опять взяли за кисть. И при чем тут вывих, не понимаю. Кроме того, Вы часто забываете мудрый афоризм Кузьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное», а Вам это всегда хочется. Это от нервности и тоже от условий жизни, что тоже всегда мешает занятию и наукой и искусством. Спешить все-

гда вредно. Спешка хороша в технической работе, если у человека «скорые руки».

Правильно Вы поступили, что взяли фам де менаж, давно пора.

Жизнь, правда, дорожает. А мы тратим приблизительно столько же, сколько тратили в то время, когда Вы у нас бывали, как, вероятно, и все те, у кого нет соответственных доходов. Приходится от многого отказываться. Когда я прохожу на базаре мимо хвоста, например, за виноградом, я стараюсь его не замечать. Виноград продается теперь за 50 фр. кило! То, что дорого, без тикетов мы не покупаем, на сладкое уже почти год ничего не бывает. Я от этого страдаю мало, но, конечно, здоровья это не укрепляет. Иногда добрые люди чем-нибудь украсят наш стол. Думаю, что так у многих. Некоторые, кто очень страдает от недоедания, продают свои вещи и покупают то, что можно купить еще.

Не понимаю, за что Вы меня благодарите за Вашу тетю. Я ничем ей не помогла, да и не могу помочь. Удивляюсь, как она могла Вам это написать. Вероятно, Вы не совсем поняли ее письмо. Мне кажется, что Вы не совсем правильно толкуете ее характер и взаимоотношения ее с людьми. Она принадлежит к тому типу людей, который больше дает другим, чем сам от них получает. Ее денежных дел я не знаю. Но знаю одно, несмотря что в соседней деревушке живут ее родственники и свойственники, она должна стоять в очередях, и никому не приходит в голову организовать ей доставку овощей хотя бы со своих огородов, и нужно-то в неделю всего кило пять-шесть. Я раз видела, как ее лицо стало багровым, когда она нагнулась, чтобы поднять мешок с тремя кило после часового стояния в хвосте. А она всем им на моих глазах оказывала много услуг. Не знаю, кто еще может ей помочь. Заводчица? Так вот: в воскресенье она

пригласила ее в синема, а завтракать перед ним пригласить не догадалась. Утро ушло у Л. А. на хождение за молоком, хлебом, потом на готовку завтрака. И вот, усталая, она отправилась смотреть фильм. Это все — милые знакомые, которые приходили к ней, когда она угощала вкусным кофе, а не люди, которые взяли бы на себя заботу о ней. Здесь нет никого. Я согласна с Вами, что 500 франков это почти нищета. Но об этом никто не думает. Она чуть было не уехала в азийль*), да места не оказалось, там нужно все же платить 750 фр. Она что-то продала для этого, но потом не вышло дело. Думаю, что там — это в Bar sur Loup, — ей было бы нестерпимо среди сумасшедших старух, там есть и душевно больные. Но и дома оставаться ей невозможно при ее чистоплотности и вечной заботе о ком-то.

Родственные отношения всегда трудно понять, а потому я не берусь судить, кто прав, кто виноват. Вы встали на сторону матери, это понятно и не оригинально. Олечка тоже стала ко мне относиться хуже, когда Ляля, под влиянием чувства ревности, меня возненавидела, а Вы были свидетельницей моих к ним отношений. Я не коснулась бы этого вопроса, если бы Вы сами его не затронули. Я понимаю, что Вам трудно. Лишать себя для человека, которого не любишь, очень тяжело. А любви у Вас к Любовь Александровне я не чувствую, Ваших взаимоотношений денежных тоже не знаю, от Марьи Карловны слышала, что она Вам много помогла в свое время, думаю, что Вы ей выплачиваете то, что некогда от нее получили, и тут, конечно, дело Вашего чувства долга и совести. Все это очень подчеркивает трагичность ее существования и показывает, какая участь может ожидать тех, у кого нет ни детей, ни состояния, ни истинно близких

*) Asile — старческий дом.

друзей в старости. Она огорчается не тем, что Вы ей мало присылаете, а Вашей холодностью, тем, что Вы присылаете деньги, не написав ей письма. Но я понимаю Вас: на нет и суда нет. Вы не любите ее. А почему это, один Бог знает. Она очень одинока. Вижу потому, что она радуется, когда я прихожу, как может радоваться человек, когда у него никого нет. Но у меня ни сил, ни времени нет бывать у нее часто, хотя скажу, что она одарена, чтобы быть очень приятной хозяйкой, и в своей комнате с постелью она умеет дать иллюзию салона.

Вид у нее очень скверный. Если я ее не вижу несколько дней, то всегда боюсь узнать что-нибудь о ней плохое.

Голова ее ясная, это правда, и мышление здоровое: она прекрасно понимает свое положение и хорошо оценивает людей и их отношение к себе. Если бы не ее вера в Бога, то она давно бы ушла в иной мир.

В феврале стояли прелестные дни. В марте опять завернули холода, а сегодня опять хорошо.

Очень хочется знать, что Вы пишете? Надеюсь, что Вы сделаете, что хочет Ваша душа.

Меня очень тревожит Ляля: ее головокружения не проходят. Она решила перебираться в Париж. Но как она в своем состоянии справится со всем, что требуется при переездах из одного города в другой? Подвинуло ее к Парижу то, что одна ее знакомая, графиня Толстая, умерла в несколько дней от переутомления и всех прелестей жизни; после нее осталось двое детей и старый муж. Ему 62 года, а детям восемь и двенадцать. И Ляля в ужасе — если она свалится, что будет с Олечкой? А я этого уже давно боюсь. И тоже во всем городе нет никого, кто бы им по-настоящему помог, хотя бы в укладке вещей. И она в полном отчаянии. Просит молиться за нее и Олечку Богу.

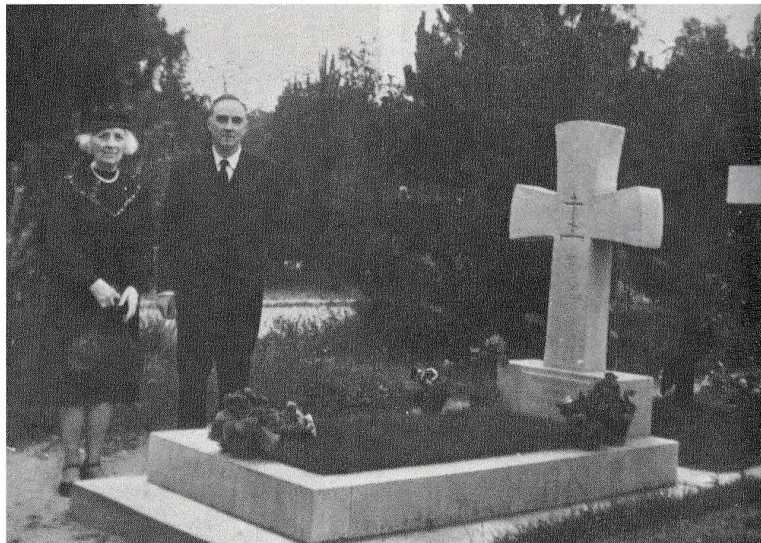
Муж ее на работе в Динане.

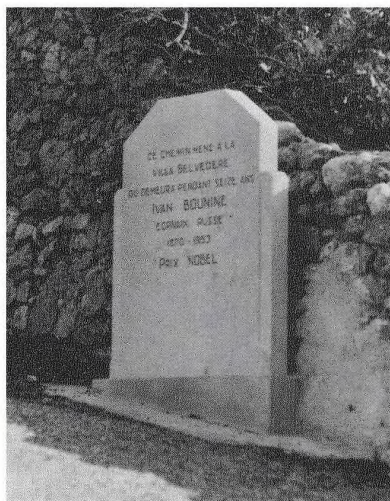
Вера Бунина гимназистка.

В. Н. Бунина, 20-е годы.

В. Н. Бунина и Зуров у могилы Бунина
на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. 1954 год.

Мемориальная доска у входа на дачу Жанет.
Ее видно с дороги Наполеона.

Леня просит Вам передать привет и благодарность за письмо. Открытку Вы забыли ему вложить. Не пишет сам, так как очень занят и книгой и на огороде. Он еще похудел. Для него конечно питание крайне недостаточное, а он вскопал уже 200 кв. метров очень трудной земли.

И. А. уехал в Канны. Он тоже не очень хорошо себя чувствует. Много читает. Сейчас у него Плутарх. А то мы погружались в трагедии Шекспира. Чтение подходящее.

Приветы и поклоны от всех всем Вам.

Вас целую
Ваша Ника

Не думайте, что Л. Ал. мне жалуется. Она всегда спокойна, всегда о ком-то заботится, всегда что-то для кого-то делает, за что я ее немилосердно браню.

12 марта 1944 года

Дорогой Корсиканец, мы подлежим эвакуации. Хлопочем, чтобы оставили или удлиннили срок. Пока оставлен только И. А. Правда, эвакуация замедляется, слишком много беженцев. А как с Галей? Впрочем, она ведь француженка?

Если нам придется покинуть Грасс, то надеемся попасть в Париж и поселиться где-нибудь в деревне. У нас уже есть приглашение. Но переезд очень страшит. В поездах Бог знает что делается. Часть вещей мы уже отправили на нашу квартиру. Надеемся, что с Божьей помощью они доедут.

Сейчас у нас все уже запаковано, а уезжать не собираемся... Странное это чувство! Не знаешь, что будет с тобой завтра.

Вчера заходила к Любови Александровне. У нее вид лучше. Доктор Филипп, кажется, ей помогает. Верно определяет ее недуги.

Ляля очень помогает в Париже Лене. Его вызы-

вает госпиталь Лаенек, так как у него так и не закрылась его ранка. А этот госпиталь и послал его в санаторию, откуда его отправили в Грасс. «Ветер возвращается на круги свои!» Она сама не совсем здорова, что-то тоже в легких. А Олечка уже с нее ростом. Учиться старается. Получает кресты, а когда его отнимают, заливается слезами, еще совсем ребенок! Послезавтра ей минет 11 лет! Удалось из черной сатиновой шторы сшить ей фартук. Портниха сказала, что такого и за четыреста франков не купишь!

Солнца масса, но тепла мало. Еще холодно в доме.

Из Грасса мы уже почти никуда не выезжаем: с Покрова не была в церкви.

Наташа Любченко, которая жила в преванториуме, теперь очень много зарабатывает, а тогда получала 50 фр. в месяц.

Привет сердечный Елене Алекс. и Игорю Никол. Вчера видела Льва.

Целую Ваша Н и к а

27. IV. 1944

Воистину Воскресе!

Дорогой мой Корси.

Спасибо и за открытку и за письмо, и за поздравление. Простите за поздний ответ, но причин так много, что не стоит их перечислять: почти все они прозаические.

Это время часто захожу к Любовь Александровне. Она не хотела Вас огорчать перед праздником и ничего не писала о своем здоровье, а сейчас и не в состоянии писать. Она еле ходит и уже не может дойти, и то «с большими слезами», дальше лавки, которая находится в ее доме, а вчера ей было не под силу даже и туда подняться, и она до 10 ч. была без хлеба, пока кто-то ей не принес его. В мае она решила переехать

в Bar-sur-Loup, в Hospice du Bar*), где она жила прошлым летом. Там теперь дороже, поэтому она все распродает. Кое-что и я купила, кое-что постараюсь продать ей. Остаться ей одной невозможно. Я удивляюсь ее мужеству нести так свой крест. Несмотря на отчаянные боли, у нее, как всегда, все блестит, и сама она всегда в форме, но вид у нее очень дурной, хуже я никогда ее не видела. Она, вероятно, голодает, так как многое из тикетных продуктов она меняет на хлеб или продает. Очаровательный кузен ее с дочкой перестали ей давать то, что давали раньше, ибо теперь она не в состоянии оказывать им услуги, они здорово ее эксплуатировали, пока она не свалилась. Из-за них она и простудила себе нерв ноги. Не знаю, долго ли ей придется жить в Баре, но во всяком случае месяца два-три, а там что Бог даст, квартиру же она твердо решила бросить, а потому следующие деньги пошлите туда m-me Clemin-Clemovitch, Hospice du Bar-sur-Loup, (A. M.) там все же она будет не одна. Сестры милые. Она с ними в дружбе. Не нужно ей будет и возиться с кухней. Бог даст, там поправится. Одно там плохо, что комнаты во втором этаже. Но я надеюсь, что нога ее при некотором покое опять будет более или менее здорова. Давление, слава Богу, стало ниже. Да и есть она там будет больше. Как только она немного придет в себя, тотчас же напишет Вам более подробно.

Мы все живем «на чемоданах», хотя нам дали отсрочку, «jusqu'à nouvel ordre». **).

Леню освободили от работ на 12 месяцев, он ездил в Ниццу в медицинскую комиссию.

Аля проработал три дня. Вчера вместе с Львом Николаевичем, который с нами завтракал, ибо работы

*) Hospice — богадельня, больница для хронических больных.

**) До новых распоряжений.

происходили над нами в лесу. Это единственный раз Л. Н. был за целые два года на вилле Жанет.

Ян стал опять немного писать. Леня по-прежнему работает над своей книгой. Я тоже иногда провожу время в «беседах со своей памятью». Есть у меня и переписка со стороны, так что времени на скуку или даже тоску нет. Слава Богу, на Страстной удалось два раза быть в церкви.

Храни Вас Господь

Привет Игорю Николаевичу и Елене Александровне от нас.

Вам все кланяются. Я целую Вас.

Ваша Ника.

Очень рада, что Ваши выставки имели успех!

2 мая 1944 года

Дорогой мой Корси!

Олечка была больна воспалением легкого. Бедная Ляля без сна провела несколько суток.

Очень рада, что выставки Ваши имели успех.

В субботу 29 мая мы проводили Любовь Александровну в Бар. Не знаю, как она добралась до своего осписа. От остановки автобуса туда порядочно, и все в гору, а она от своей квартиры до места отправления автобусов шла больше получаса. Вели ее двое. А накануне я провожала ее к Пелесье⁽⁵⁰⁾, она там должна была ужинать и ночевать, так как в ее комнате был полный разгром, и мы употребили на этот путь почти час! На лестнице, которая поднимается с бульвара Тьер, два молодых француза, вероятно рабочие, предложили помочь, и они ее довели. Из этого Вы понимаете, в каком она состоянии. Думаю, что последние дни она была на нервах и потому держалась, теперь, вероятно, слегла. Слава Богу, что она не одна. Монахини будут за ней ухаживать. Может быть и отлежится. У нее, веро-

ятно, организм сильный, ибо при таком истощении, таких болях она все же держалась и даже могла думать о других. Успела для Леонов продать какое-то одеяло! Утром в субботу я зашла к ней и застала там целое общество: Марья Карловна, Леоны, мадам Пелесье, и все стоят, и она среди них. Я прежде всего сказала, чтобы она села. А затем, увидав, что идет салонный разговор, стала прощаться, говоря, что приду в четыре часа, чтобы помочь ей. Со мной вышла и Марья Карловна, мадам Пелесье очень много помогла и сама, и ее рабочий перенес все чемоданы. Пришлось ему заплатить пятьдесят франков, но он, конечно, спас положение. Часть вещей осталась у Пелесье.

Средств хватит на два месяца, может быть, если еще удастся что-нибудь продать, на три, не больше. Что она будет делать потом, представляю плохо. Но Любовь Александровна не хочет думать о будущем: «Через три месяца! Да я, может быть, и жива не буду! Да и мало ли что может случиться». Очень ей помогла м-ль Дозоль, прелестная барышня, служащая в ассистанс пюблик *). Она и отвезла ее, а оттуда вернулась на велосипеде, — уехали они из Грасса в 6 ч. вечера. Я редко видала такую очаровательную девушку, на француженку она не похожа, скорее такие бывают швейцарки. Вероятно, она католичка: все делает быстро, без всяких лишних слов, радостно и весело.

Эти дни мы все беспокоимся: слишком много везде падает бомб. Из Парижа пишут, что это что-то страшное! А что было у Вас в Лионе?

В Грассе, как я уже Вам писала, опять много вывесок: сколько человек может поместиться в том или другом абри **).

Много здесь русских солдат, идешь и слышишь

*) Assistance publique — благотворительное учреждение.

***) Abri — бомбоубежище.

то там, то здесь русскую речь, говорят все очень хорошо, неиспорченным русским языком. Все подтяну- ты. Вид здоровый.

Какие у Вас планы на лето? Поедете ли вы куда- нибудь вместе или врозь?

Где теперь Анна Марковна? Как ее здоровье?

Я эти дни несколько раз оставалась в постели двенадцать часов сряду и вспоминала Вас. Это действительно хорошее средство против усталости. Легла бы и сейчас, да Ян позвал гулять через полчаса. Значит, очутишься в постели около десяти, а в десять вставать уже поздно. Я последние дни чувствую опять слабость, особенно днем. Вечером легче, как и утром.

Получили ли Вы мое письмо, где я Вам писала, чтобы Вы послали Л. А. уже в Бар и не забудьте на денежном переводе: мадам Клеман-Клемович (Clemine Clemovitch), Оспис дю Бар. (А. М.). Я вдруг испугалась, а может быть мое письмо не дошло! Теперь поезд из Парижа сюда идет не через Марсель и часов так тридцать! С Экс сворачивает. Напишите мне открытку, получили ли Вы мои письма?

Все шлют Вам привет. Кланяемся все Игорю Николаевичу и Елене Александровне. Вас обнимаю и целую.

Ваша Ника

От Ляли давно нет вестей, боюсь, что она очень переутомилась за болезнь Олечки, а тут пошли эти страшные бомбардировки. Мне писали: одна газета верно написала «*que c'était une nuit d'apocalypse!*»

11 мая 1944 года

Дорогой мой Корси,

Получила Ваше длинное письмо и, прочтя его, знаете, что почувствовала? Огорчение, что Вы так много истратили времени на то, что мне прекрасно известно. «Лучше, если бы она мне написала о чем-

нибудь своим», — подумала я. Вы, кажется, думаете, что меня нужно убеждать, что Вы не можете больше делать, чем делаете для Любови Александровны. Как раз накануне получения Вашего письма я видела мадам Пелесье. Она была у Л. А., — отвозила ей оставшееся ее белье, — и мы разговаривали о ней. Я зондировала почву, можно ли от нее что-либо добыть для Л. А. Ничего. Она плакалась, что у нее нет совсем денег. Я сочувствовала ей. Бедная женщина! Я выразила сожаление и сказала — что же будет делать Л. А., когда иссякнут те крохи, которые остались от продажи ее вещей! Она ответила, м. б. она рассчитывает на вас? — Нет, она знает, что у меня ничего нет, — сказала я твердо. — Тогда на племянницу? — Тоже нет. Ее племянница делает максимум, что может. Ведь у нее на руках больная сестра в больнице, где дорого стоит, и мать. И тут не без ехидства прибавила: вот вы говорите, что у вас нет денег, а ведь она добывает их тяжелым трудом... И мы расстались.

Но это к слову. Я хотела иллюстрировать только то, что я отлично понимаю ваше трудное положение. Но чем больше я буду сочувствовать вам, тем тяжелее делается положение Л. А. А ее положение действительно такое, что не пожелаешь и врагу. Подумайте: ни одного настоящего человека ее любящего, то есть такого, который бы хотя взял на себя о ней заботу. Ведь довести ее до автобуса, проводить к Пелесье, продать или купить что-нибудь это все пустяки, двухдневное утомление и все. Это всякий сделает, у кого сердце не очерствело. Но ей ведь не того нужно. Ей нужна постоянная забота, а на нет и суда нет. Если бы у нее были бы средства, чтобы жить в этом описе, то все было бы терпимо. Но там она долго не останется: стоит там в день 35 франков, то есть в месяц (31 день, 30 дней) 1.185 или 1.150 франков. А у нее, как Вы знаете, 600 фр. пятьсот от Вас и 100 от

Женички ⁽⁵¹⁾. Тысячи на полторы она продала вещей, Вы прислали лишних сто. Я надеюсь еще на сто или двести продать, так что месяца на три хватит. А затем? Еще что-то продавать? Но кто этим будет заниматься? Некоторые вещи у мадам Пелесье.

От мадам Пелесье знаю, что она все еще лежит, хотя мне она написала, что уже встает, пролежав целую неделю. Я получила от нее письмо дней через десять после ее отъезда, значит, было плохо. Она пишет, что встретили ее, как родную, что монашки приходят и каждый вечер становятся на колени и о ней молятся. А мадам Пелесье мне сказала, что в оспис ее спрашивали, есть ли у Л. А. средства. Она ответила, что она ничего не знает. Все это я пишу Вам для осведомления. Ей Вы пишете только то, что она Вам сама сообщает. Она очень всегда расстраивается на всякий упрек, помните, что она серьезно больна. Я не очень верю, что это только сиатик *), если это и сиатик: она на ногах почти не держится, думаю, что у нее еще что-нибудь с ногами. Ведь у нее не одна нога болит, а обе, одна только больше. О том, что она Вам ничего не написала о своих проектах, Вы не должны обижаться. Дело в том, что она сама ничего путем не знала. Ее решения изменялись ежедневно. То она уезжала совсем, то оставляла комнату и только ехала на месяц. Кажется, есть такой проект, что может быть она через три месяца эвакуируется куда-то, тогда ей будут платить ежедневно по 19 франков, даровой проезд и еще что-то. Тогда, имея 600 фр., она может там сносно устроиться. Но Вы об этом сами не пишете. А то она будет в претензии, что я что-то не то сообщила, тем более, что я это слышала не от нее, а знаете, как люди все путают, когда не их касается. Может быть, этот план и неплохой. Но будет ли у нее силы осуществить его.

*) Sciatique — ишиас.

Было бы, конечно, хорошо, если бы Вы приехали на Ваши вакансии *) сюда, — могли бы погостить у нас — и здесь на месте с ней обо всем переговорили. Вы упрекаете, что она Вам не пишет, а она много раз говорила, что Вы ограничиваетесь только местом на переводе и ничего о своей жизни не пишете, и очень огорчалась. Знаете, я ей не показала Вашей фотографии, так как ее сильно задело бы, что Вы послали не ей, а мне.

Жизнь, повторяю, ее трагическая, к счастью, она ее воспринимает легче и благодаря ее характеру с различными маниями, и благодаря тому, что она любит «театр для себя» и старается защищаться от действительности.

На днях я встретила Леона⁽⁵²⁾, он очень волновался, не получая известий и узнав, что и я ничего от нее не имею. Может быть, у них просто родственные недоразумения, и просто он человек не тонкий и не умеет легко помогать. Ведь люди в том положении, как Л. А., часто становятся очень обидчивыми и легко обвиняют тех, кто им помогает. Я боюсь судить. Ведь помогать тоже нужно уметь, чтобы тот, кому помогаешь, не чувствовал твоей помощи. А это очень трудно. Бедные люди тоже требовательны, хотя им кажется, что они в унижении.

Теперь о Вас: Вы напрасно думаете, что Вами никто не интересуется и не думает. Очень часто Л. А. говорила с горечью, что Вам очень трудно и ей хотелось бы все о Вас знать. Но Вы все же пока счастливы: во-первых, у Вас есть творческая работа, а это мало кто имеет, во-вторых, у вас есть возможность помогать близким, в-третьих, Вы здоровы, молоды и в расцвете сил. Все Ваши тяготы я очень понимаю. Но Вы ведь религиозный человек, разве Вам не радо-

*) Vacances — каникулы, отпуск.

стно, что Вы облегчаете жизнь тем, кого любите, а потому Вам, несмотря на трудность Вашей жизни, можно и позавидовать и даже за Вас порадоваться. Кроме того у Вас не может быть такой старости, так как у Вас есть в руках и любимое дело, и ремесло. И Бог даст, муж будет жить долго, и Вы не будете в таком беспросветном одиночестве, в каком живет Л. А. Потом у Вас могут быть ученицы. Ведь не всегда же Вы будете жить в Лионе, будет и художественная среда, которая даст и друзей и людей, Вас понимающих. Нет, я не променяла бы Вашей судьбы на ее. А от того, что ее прошлое было хорошее, ей теперь еще тяжелее. Она ведь избалована. Была и красива. Ей кажется, что и теперь люди относятся к ней по-прежнему, а ведь это совсем не так. Будь у нее деньги, дело другое. А теперь избегают: «еще нужно будет о ней заботиться». А этого никто не любит. А друзей, любящих ее людей, здесь нет.

Мы все живем и ждем. Пока не трогают. Леню освободили от работ. Впрочем, кажется, я об этом уже писала. Пока он делит время между письменным столом и огородом.

В Париже, слава Богу, из близких все целы. Ляля с Олечкой хотят ехать в деревню, но куда не знают. Знаете, какая Ляля, она ведь боится жизни. И устала она очень от нервной неустроенной судьбы своей. Очень мне ее жаль. Чем могу, стараюсь облегчить ее жизнь. У них ужасная хозяйка, психопатка-ханжа с мещанистыми вкусами и замашками. Она Лялю, по словам Зайцевой, совершенно извела.

И. А. пишет. Сейчас буду перестукивать его новый рассказ. Очень интересная там женщина. Новая в его коллекции.

Обнимаю и целую.

Привет и поклоны от всех нас Елене Александровне, Игорю Николаевичу и Вам. Храни Вас всех Господь.

Если Вам захочется что-нибудь узнать о Л. А., напишите, сообщу.

Ваша Ника

30. V. 44

Дорогой мой Корси, получила Ваше письмо сегодня в полдень и уже пишу Вам, пока кипит на спиртовке наш суп, который во время завтрака не доварился, так как я поздно пришла с базара и принесла лук. Теперь у нас ежедневный суп: картошка, которая на исходе, и лук, которого довольно много на базаре.

Вы спрашиваете: есть ли какая-нибудь возможность продавать картины среди моих знакомых? Думаю, что нет. [...] Аллочка бывает раз в год в день моих именин, да и то в этом году заболела. С Пелесье я, собственно, не знакома, то есть при встрече раскланиваюсь, а потому не знаю, может ли она купить или нет? Других знакомых, которые стали бы покупать картины, у меня нет, да и вообще знакомых очень мало. Может быть у меня есть талант что-то организовать, но, к сожалению, у меня теперь очень мало сил, а всякая продажа, лотерея требует много времени, сил и даже денег, а потому я не в состоянии это взять на себя. Если бы кто-нибудь взялся за это, я помогла бы, купила бы несколько билетов, но не больше. Я слишком перегружена всякой работой и заботами, чтобы взять еще на себя это дело, которое и сложно, и хлопотливо, и очень неблагодарно. Недавно мать «Лидочки» меня ругала одному человеку: «Это пустяки — брать деньги у одних и давать их другим»... и все в таком роде. Конечно, что может говорить баба, которая никогда в жизни ни у кого не брала денег для других, а потому не знает всей прелести этих занятий. Я же чувствую себя очень утомленной, и опять при

пробуждении у меня боль стекает с рук и ног, это очень странное чувство, но лучше я не могу его передать.

Я виделась как-то с монахиней из осписа, впечатление среднее: малокультурная, жесткая и простая. Например, она говорила о Л. А. «Она просит послать за доктором. Но я смерила температуру, жару нет, зачем доктор?» Я силилась объяснить, что может быть доктор нужен для понижения давления или еще чего-нибудь, она твердила все свое. Получила впечатление, что Л. А. там очень тяжело. В прошлом году она была здорова, а потому умела себя занять, а теперь почти всегда лежит и в полном одиночестве.

Встретила сегодня Леонов: «Были у Л. А.?» «Нет». «Она дурно себя чувствует»... Конечно, они не поедут, они ездили к ней только тогда, когда им было нужно, или будет нужно...

Мне тоже это время все было некогда, да я была еще простужена. Кроме того, начались частые алерты, и Ян меня не пускает, да и, по правде сказать, из дома в это время уезжать очень неприятно, а они бывают иногда раза по три в день. Чтобы туда съездить, нужно истратить весь день.

Мне очень неприятно отвечать отрицательно на Ваше предложение, но я считаю, что сейчас я не имею права брать дел не по силам, я за это очень всегда бранила Л. А., результаты налицо — она ведь все время брала на себя разные дела не по силам.

Что Вам посоветовать, не знаю. Может быть самое лучшее — ее последнее желание быть эвакуированной и получать тогда от правительства 19 франков в день плюс то, что Вы «с Женичкой» посылаете, может быть Л. А. еще что-нибудь продаст?.. Я не думаю, чтобы в осписе она долго осталась. Но, повторяю, ничего не пишите о том, что я Вам пишу относительно эвакуации, ведь у нее решения меняются иногда с необыкновенной быстротой.

Мне очень жалко Вас, хотелось бы поговорить, но Вы далеко. Мы все очень волновались, узнавши, что Лион тоже «бомбили». Обрадовались, получив Ваше письмо. В Париже пока все целы.

Ян, Леня и Аля шлют приветы дружеские.

Кланяемся все Игорю Николаевичу.

Я Вас обнимаю и целую

Ваша Ника

8 июня 1944 года
4 часа 30 м. вечера

Дорогой Корси,

Вчера в 5 ч. вечера принесли Ваше письмо, — теперь почта, как видите, приходит вместо утра к вечеру, — и я до сих пор не могу ни о чем думать, кроме Вашего дома. О бомбардировке Лиона мы, конечно, знали, но утешали себя, что Вы живете в Vaise!... Я больше боялась, что Вас могло захватить где-нибудь на службе, хотя успокаивала себя, что Вы в деревне. Какое счастье, что Елена Александровна в St Nisier. Надеюсь, что это глухое местечко. Держите, если можете, ее там. А где Вы будете жить?

В Ницце подобных случаев тоже немало. Отец, например, пошел работать в поле, вернулся, ни жены, ни ребенка, и головы ребенка найти так и не мог.

Все мы должны быть ко всему готовы. Время такое, что остается одно — молиться. Буду молиться за вас обоих.

У нас алерты довольно часты, но в нашем городке еще ничего не было пока.

Ваше письмо получила и на него ответила в деревню. Если Вы его не получили, то вкратце повторяю: я не могу взять на себя организацию лотереи, — чувствую себя плохо, в воскресенье проснулась и увидела, что комната качается, и так было с час, пульс

50. Даже попросила Леню разбудить Яна, что я делаю в самых крайних случаях, ибо он очень пугается, когда что-нибудь со мной бывает неприятное. Он вышел ко мне — на нем лица не было. Но дал камфары, черного кофе, и мне стало лучше. Из-за этой своей усталости и частых алертов не могу съездить в Вар. Но была у одной знакомой Л. А., которая ездит на велосипеде и которая может устроить ей эвакуацию. Я передала через нее немного денег за одну продажу. Она не советует сейчас эвакуироваться — труден переезд, и там, может быть, еще хуже. В субботу зайду к ней, она служит в assistance publique, и узнаю о их свидании, тогда сообщу Вам.

Храни Вас Царица Небесная.

Обнимаю и целую. И. А. и Леня очень взволнованы и шлют Вам дружеские приветы, как и Игорю Николаевичу. Я присоединяюсь.

Ваша Ника.

25. VII. 1944

Дорогой мой Корси,

Что же не напишете, как живете в Вашем искалеченном доме? Остались ли на старой квартире или уже переехали куда-нибудь? Какие Ваши планы на каникулы. Приедете ли в наши края, или куда-нибудь в другое место поедете отдыхать, хотя теперь самое трудное найти именно место для отдыха.

Вашу тетю так и не навестила. Трудно выбрать время, занята по горло. С семи часов иной раз сижу за машинкой. Стряпня не на газе берет много времени и сил. Затем спуск в город за продуктами. А дома штопка, починка, уборка. Мадлена бывает теперь менее двух часов в день. Алерты у нас по утрам, так что мы никуда не выходим. Выйдешь и застрянешь где-нибудь. Ваших вижу очень редко и мимолетно. Ни-

чего ни о ком не знаю. Наташа тоже перестала писать.

Слава Богу, Любовь Александровна все еще в Баре. Удалось ей кое-что продать, что осталось у меня, август она может пробыть, есть надежда и на сентябрь. Помогла в этом отношении одна f. de m., которая служила в том пансионе, где скончался Ваш папа, зовут ее Charlotte. Думаю, что часть она приобрела для себя. Но, кажется, плату в Hospice еще увеличили. А почему неизвестно — ведь там кормят по тикетам, а хлеб нам стали выдавать по 100 гр. в день. Что она, бедная, теперь делает, ей и 300 не хватало.

А бедная Ляля в сильнейшей тоске носится по Парижу, что-то продает после службы, где она получает 2.400 в месяц, а за Олечку нужно платить 1.500, да еще посылать разные продукты. Она где-то на ферме в департаменте L. et Ch. у какой-то маркизы, née Ладыженской. На службе Ляле надо быть в 8 ч. утра. Она живет недалеко от Госпиталя Буссико rue Convention, а бюро ее у Porte d'Orléans. Метро часто не ходит. От страха проспать, она не спит, плохо питается, так как все старается собрать для Олечки. Олечка очень выросла, стала «стройным подростком», она вытянулась после воспаления легкого, которое перенесла весной.

Мы живем тихо, однообразно, в работе. Кто во что горазд. Алю гоняют время от времени на принудительные работы, от трудовой мобилизации в Германию он, как туберкулезный, освобожден. Лёня освобожден от всяких повинностей, настоящий «белобилетник». Но дома работает много и спору.

Ян одно время очень ослаб от потери крови. Теперь поправился и опять копается в своих рукописях, «дружит со своей комнатой», как когда-то сказала Олечка. Буду рада, если Вы приедете в наши края, помните, что у нас Вы всегда можете остановиться.

Ив. Ал. и Леня шлют Вам поклоны и приветы.
Все мы кланяемся Игорю Николаевичу.
Я целую Вас. Храни Вас Господь.

Ваша Ника

31. X. 44

Дорогой мой Корси, пока два слова. Плохо себя чувствую для длинного письма. И открытку и закрытое письмо я получила. Спасибо. Муравьевы здоровы. Одно время болел Николай Яковлевич. Их мы никого не видим. Наташа мне целую вечность не писала. Я о ней ничего не знаю. Но едва ли можно уже приехать сюда ей, со столькими пересадками.

Аля уехал, — мы остались втроем. Мне больше теперь приходится таскать мешков в гору. Леня чувствует себя не очень хорошо, и я боюсь за его здоровье, — он всегда задыхается, идя в гору. Он много работает, кончает одну книгу. Ян не очень хорошо себя чувствует, жалуется на боль в груди, слабость, но обещал на завтра дать что-то — переписать.

Надеюсь завтра увидеть Любовь Алекс. Вероятно, приедет, чтобы отправиться на кладбище. Здесь будет торжественное поминание убиенных и погибших на войнах.

Благодарю и кланяюсь Игорю Николаевичу.
Целую, Ника.

15. XII. 44

Дорогой, милый мой Корси,
Очень сочувствуем мы Вашему горю. Понимаем и знаем, как Вы любили Галю, но жизнь ее была очень тяжелой, и Бог лучше нас знает, когда кого к Себе призвать. Передайте Елене Александровне наше глубокое соболезнование. Дай Бог Вам и ей сил нести Ваше большое горе.

Относительно Вашей тети ничего пока успокоительного сообщить не могу. У нее закупорка артерии на левой ноге. Сейчас ей делают непомерно болезненные уколы толстой иглой в спинной хребет, кажется, в симпатический нерв, чтобы предотвратить гангрену ноги. Если эти уколы не помогут, то ей нужно скоблить артерии в левом паху, — операция под наркозом общим, если это не поможет, то нужна ампутация левой ступни, а если и это не даст нужных результатов, ампутируют ногу. Самое тяжелое, что дурак Кудер, доктор, ей все это выложил. Представляете, что она испытала при этом!

Я у нее бываю два раза в неделю. Очень озадачены Леоны. Навещают, приносят кое-что из еды, но аппетит плохой, как поест, так поднимаются непереносимые боли. Они послали *par avion* в Америку Скидельским⁽⁵³⁾, чтобы и те прислали бы денег. Страшно в грасском госпитале подвергаться операциям. Они хотят тогда перевести ее в Cannes. Очень плохие условия здесь. По три дня не освобождают желудок.

Она очень хотела бы Вас видеть, но по лирическим соображениям.

Деньги я получила. Пока Л. А. просила 1.800 фр. хранить у нас. Еду ей приносят, но, кажется, не она ею пользуется.

Завтра пойду и отнесу Ваше письмо и письмо от Гутнер⁽⁵⁴⁾.

Мы с Mme Антик⁽⁵⁵⁾ все же надеемся, что впрыскивания ей помогут. Молитесь Богу.

Последний раз я была после этого укола, и она была лучше, могла говорить и на отвлеченные темы, и вид был лучше, хотя все прошло крайне болезненно — кричала, как зарезанная, вся палата повскакала с кроватей!..

В пятницу отец Николай ее должен был причастить. Он ее уже навестил и просидел два часа.

У нас уже холода, но, слава Богу, солнце.

Сейчас бегу вниз на почту. Может быть дадут и charcuterie. *).

Храни Вас Господь.

Кланяйтесь маме и мужу.

Мои мужчины шлют Вам всем привет.

Целую нежно

Ваша Ника

17 декабря 1944 года

7 часов 40 минут

вечера

Дорогой мой Корси,

Сегодня навещала Любовь Александровну, но Вашего письма не хватило духа ей передать. Была там и Е. П. Ставраки, она тоже не советовала сообщать о смерти Гали.

Повидимому, пикюры **) не помогут. Она показала мне ногу. На внешней стороне ступни сбоку черное, такой величины пятно. Вся кожа закорузлая, а на мизинце и безымянном пальце тоже черные пятнышки, но о них, кажется, она не знает. Лицо красное, возбужденное. При всяком волнении плачет, — получила письмо от В. В. Гутнер, она вспоминает, как они ухаживали за Вашим отцом — слезы. Ну, как тут еще сообщать о Гале. Она ведь всех Вас любит. Начнет волноваться за Вас и т. д.

Доктор сказал, что последний пикюр во вторник. А затем, если результатов не будет, то нужно скоблить артерию — операция под общим наркозом. Нам всем жутко, что ее будет делать местный хирург.

Я на Вашем месте приехала бы сюда. Может быть, Вы что-нибудь и надумали бы с Леонами. Послали бы

*) Charcuterie — колбаса, копчености.

**) Piqûre — укол, впрыскивание.

телеграмму в Америку. Может быть, решили бы перевести в частную клинику, где согласились бы подождать из Америки денег, дали бы задаток, — у меня теперь ее денег около двух тысяч.

О том, что я это пишу, никто не знает, а потому, если Вы не приедете, то я никому не скажу, что я Вас, так сказать, вызывала.

Относительно ресторана — он не нужен. Она не съедает, что ей приносят. Е. П. Ставраки добивалась, чего ей хочется, и она сказала: компоту и сладкого пирога. После принятия пищи у нее усиливаются боли. А желудок ей каждый день не очищают. Вообще режим странный и суровый! Спаси Господи попасть во французскую провинциальную больницу, особенно со сложной болезнью.

Последнее время, начиная с 17 октября, — сплошные неприятности, не с нами лично, а с нашими знакомыми и друзьями.

Не хочу пока Вам о них писать, у Вас своих достаточно. Видели ли Вы Додика? У него умерла мать, но больше мы о нем ничего не знаем.

Наши квартиранты не хотят уезжать с нашей квартиры, как должны это сделать по условию к 1 января. Мы хотели в нее сначала поселить Лялю с Олечкой, а потом и сами туда вернуться, но они грозят судом. Это последняя неприятность, о которой мы узнали вчера, — самая еще легкая.

Дома тоже не все ладно. Ян простужен, кашляет, насморк. При движении боль под печенью, это его пугает.

Леней его врач недоволен — сильное переутомление при недостаточном питании. Что-то новое неприятное в левом легком.

Я пока на ногах, но порой опять стала чувствовать большую усталость. Без Али физически я гораздо больше устаю, но душевно стало легче и приятнее.

И в кухне быть одной гораздо приятнее, как и иметь отдельную свою комнату.

Обнимаю, целую, дорогая моя, жду письма.

Привет всем Вашим и Вам от всех нас.

Ваша Ника

В пятницу Л. А. причащалась. В восторге от отца Николая. Вчера укол был менее болезнен.

Ваша Ника

Grasse 18. XII. 44

Корси дорогой мой, опять пишу Вам. Сегодня я была у моей массажистки, которая с медицинским персоналом в близких отношениях. Она недавно видела ногу Вашей тети. У нее вообще есть чутье, которое не у каждого врача бывает, я несколько раз убеждалась в этом.

Я рассказала об Л. А. Она думает, что спасения нет. Доводы: если бы гангрена была следствием какого-нибудь *accident* *) или ожога, тогда, ампутировав большую часть, хирург может спасти жизнь. А тут гангрена явилась, так сказать, изнутри, и потому, даже если ампутируют всю ногу, то она может проявиться в другом месте. Лучше, по ее мнению, не мучить всякими жуткими и бесполезными операциями; особенно со здешними врачами, прибавлю я.

Я думаю, Вам следовало бы посоветоваться с каким-нибудь лионским врачом, серьезным и опытным, и, приняв то или иное решение, написать доктору *Monteguès* (56), если Вам самой нельзя приехать.

Madame Stavray тоже думает, что она операции не перенесет. Особенно в нашем великолепном госпитале.

У меня определенного мнения нет, но я вижу, что она совершенно измученный человек.

*) *Accident* — несчастный случай, травма.

Сегодня я попросила ее последнего врача Wetterwald'a через нашего мэра, др. Colomban'a, навестить ее. Она и сама многое в медицине понимает. Не верит тамошним врачам, а д-р Wetterwald ей понравился. Можете и ему написать, спросить его мнение. Ведь Вы de la famille *) и самый ей близкий кровный человек.

Завтра ей сделают последний пикюр. А там поднимается вопрос о скоблении артерии.

М. б., Вам послать телеграмму д-ру Monteguès, если я не путаю его фамилию, — живет он рядом с большой почтой, чтобы подождали Вашего приезда или письма, а Вы тем временем получите ответ от Wetterwald'a, кот. живет Bd Victor Hugo, №, кажется, 29. Один удар за другим.

Обнимаю и целую нежно, моя милая, кланяюсь Вашим. Сегодня встретила Леву — помолодел; похудел, очень веселый.

22. XII. 44

Дорогой Корси,

Была вчера и сегодня у Л. А. Она отказалась делать операцию. От нее не скрыли, что исцелить она окончательно ее не может. О смерти говорит внешне спокойно, делает распоряжения, сегодня говорила и о похоронах. Нервна очень. Сегодня они с Милей (57) плакали, — Леон серьезно болен, что-то в прямой кишке. Была сегодня Марья Карловна, обещала зайти к хирургу из клиники, прежнего доктора там уже нет, и узнать его мнение, он видел ногу Л. А., и, может быть, надо перевезти ее туда, если конец близко, и если там не очень дорого. Уж очень плохо ей в больнице. Но все очень трудно решать без Вас. Целую. Шлю привет
Ваша Ника.

*) Член семьи.

27. XII. 1944

Дорогой мой Корси,

И деньги и письма получила. Сегодня Е. П. Ставраки с Аллочкой отправляются в клинику узнать, сколько будет стоить и возьмут ли Л. А. в нее. Ел. П. носит ей еду в госпиталь, как и Леоны, но аппетит у нее плохой. Вчера она немного ожила. Хирург из клиники Riccord сказал, что можно попробовать лечить горячей водой, т. е. ваннами ножными.

Поблагодарите Елену Петровну Ставраки за заботу и хлопоты. Она правда делает много. Адрес: 2, Bd du Collet, Grasse (A. M.). Может, в хороших условиях она и совсем оживет. Вчера или сегодня послана телеграмма в Америку, — Леон тоже болен. Сразу о двух. Бог даст, пришлют. Привет новогодний от всех нас всем вам. Вас целую

Ника.

30 декабря 1944 года

Дорогой мой Корси,

Вчера была в госпитале, перед ним зашла к Ставраки. Узнала от них, что Л. А. не хочет в клинику. Аллочка трижды была там и наконец добилась хирурга, заменяющего Риккора, который вынужденно покинул свое дело.

От него она узнала, что нужны не ванны, а только одна ванна, чтобы сделать пробу на какую-то реакцию, и в случае удовлетворительного результата сделать операцию, — надрез симпатического нерва выше паха. Узнала и об условиях, которые Вам уже сообщила madame Riccord. И еще узнала, что пока клиника пуста. Все это она передала Л. А., которая ей заявила, что теперь, после Вашего письма д-р Monteguès, изменилось отношение к ней, и она не хочет покидать госпиталь. Аллочке показалось, что ей не хо-

чется быть одной в комнате, а там, кажется, редко бывают вдвоем.

Мне Л. А. тоже стала говорить, что переезжать она не хочет, чтобы я написала Вам об этом, что ей «хорошо и в госпитале». Конечно, ее ужаснула цена. Они все как-то высчитали, что это будет стоить до 9.000, т. е. почти 300 фр. в день. Конечно, сумма пугающая. Бойтся она быть одной в комнате. Она ведь из тех, кому необходимы люди вокруг. Положение получается тяжелое. Нервы ее в ужасном состоянии. И все нужно понимать по Достоевскому, то есть она одно говорит, а другое хочет, (это между нами). Нет у нее еще веры и в Америку, хотя послана телеграмма 300 фр. на ее счет и за ее счет. «Luba opération pour sauver la vie, para est malade». Но пришлют ли деньги телеграфом — неизвестно. Она все плачет. Говорит, что не хочет, чтобы Вы приезжали, чтобы Вы очень волновались, и слезы. Я ей объяснила, что Вы сейчас из-за приезда директора не можете отлучиться. И опять слезы. «Нет, нет, пусть не приезжает, пусть приедет, если я начну поправляться»...

Вид у нее лучше. А с весны она совсем поправилась, по словам Зурова. Он помогал ей дойти тогда до автобуса.

Я думаю, что Вы, получив все ответы, сами придете к какому-нибудь решению. Видимо, ждать можно, не так уж все экстренно.

Хирург из клиники Аллочке говорил, если операция — надрез симпатического нерва — даст хороший результат, то через две-три недели она будет в состоянии выйти из клиники, скажем, через месяц. А если нет, то это может продолжаться месяцы. Вот эта неопределенность и есть самое тяжелое для решения вопроса. О месяцах она, кажется, не знает. Вот все, что могу о ней Вам сообщить.

Сама стала чувствовать себя хуже — печень стала

снова иной раз о себе напоминать, — очень устаю. И. А. все в положении полубольного.

Наши квартиранты не хотят освободить квартиры. В нее уже вселилась Ляля, как «*de la famille*».

Леня тоже чувствует себя не очень хорошо. Переутомлен. Работает много. Питание еще очень среднее. Написал большую вещь.

Поздравляю с Новым Годом и наступающим Рождеством Христовым Вас всех. Дай Бог возможных радостей. И. А. и Леня шлют всем праздничный привет.

Как чувствует себя Елена Алекс.?

Храни Вас всех Господь

Ваша Ника

1 января 1945 года

Вот и 1945 год! Что принесет он миру и нам?

Милый Корси,

Только что вернулась из госпиталя. Поздравила. Кроме меня были *m-me Pelessier*, *m-me Cozeran* (58). Завтра придет *m-me de Stavray*.

Сегодня Л. А. была в лучшем состоянии, чем в пятницу. Она раздала праздничные, и, по ее словам, все стали любезнее. Я оставила ей 200 фр. Сто она дала монахине главной на ее «*oeuvre*» *). И та стала мягче.

Вид у нее неплохой. Но все же боли такие, что приходится ежевечерне впрыскивать морфий. *M-me Cozeran*, с которой я возвращалась, думает, что в хороших условиях ей было бы, вернее, стало бы, лучше, но в полное выздоровление у нее нет уверенности. Она находит, что нужно ее морально поддерживать.

Плохо то, что в госпитале странные правила: не дают грелок после еды, когда у нее всегда поднимаются боли в желудке и в ноге.

*) *Bonnes oeuvres* — добрые дела, благотворительность.

Мы с m-me Cozeran подозреваем, что у нее язва в желудке, а на желудок вообще не обращают внимания.

Уж очень высоки цены у Riccord'a, да еще там нет общих комнат, и Л. А. говорит, что она одиночества не в состоянии переносить!

Доктор от Riccord'a боится и симпатический нерв надрезывать, т. к. не уверен, что ранка закроется.

Случай очень трудный и тяжелый. Молитесь Богу. Я верю в чудо. Получила Вашу голубую открытку: Вы делаете все, что можете. Пишите ей ласковые открытки, это ее утешает.

Храни Вас всех Господь.

От всех нас всем вам приветы.

Вас еще целую

Ваша Ника

5. I. 1945

Спасибо за поздравление.

Дорогой Корси,

Л. А. категорически отказалась от переселения в клинику, главным образом потому, что она не может быть в одиночестве, — боится за себя. На людях ей легче.

Вчера была в клинике, видала доктора. Он сказал, что она « incurable », и тоже не был за ее перевоз в нее. Сказал, что она может пролежать месяцы и месяцы. М. б., перевезти ее через некоторое время. Самое тяжелое, что у нее нет никого, настоящего близкого человека, мы все — знакомые и все очень заняты. Целую Вас, моя дорогая.

Пишу в « Ravitaillement ».

Ваша Ника

Мой дорогой Корси,
Получила я сегодня Вашу милую весточку.

Вчера была в больнице. В первый раз видела, как умирает человек. Как раз рядом с Любовью Александровной. Слава Богу, что не было агонии. При мне пришел сын, высокий широкоплечий малый в фуражке, очень бледный. Подошел. Наклонился, поцеловал в лоб. Она открыла глаза, что-то сказала. Он постоял, посмотрел. Опять нагнулся над ней, поцеловал и пошел вон. Вероятно, ночью больная скончалась. У нее был рак. Конечно, все это отражается на душевном состоянии и на нервах Л. А. И если она долго останется в такой обстановке, то может, конечно, нервно совсем разболеться.

В клинике доктор сказал мне, что она может прожить месяцы, но что она «incurable». Видимо, в анализе крови нашли что-то плохое.

Не знаю кому пришла мысль, которую я одобряю. Если доктора придут к заключению, что операцию делать не надо, то не лучше ли ее поместить куда-нибудь на квартиру. Л. А. хочет обратиться к местному пастору, у которого большое знакомство, не устроит ли он ее или в какую-нибудь семью, где будут за ней ухаживать, или сдадут комнату, тогда нужно найти человека, который бы жил с ней и обслуживал ее. Все это трудно, но не невозможно. И стоит может вдвое дешевле, чем клиника..

Что Вы об этом думаете?

Я очень рада, что Вы написали, чтобы я не обнародовала бы, сколько Вы будете высылать денег. Хотела сама Вам это предложить, но стеснялась. Деньги все же текут. Ей покупают виноград, а он теперь дорог, но это единственное, что она покупает себе из еды. Пришлось Л. А. раздать праздничные. На лекарство истрачено 77 фр. Я все записываю, на что она

берет. Но, конечно, пока она в больнице, накаплиется кое-что на будущие траты. Я все поджидаю денег из Америки. Интересно, сколько пришлют и сколько ей уделят Леоны?

Она, конечно, надеется на выздоровление, хотя спокойно иной раз говорит о смерти, а иногда плачет. Но вид, повторяю, у нее гораздо лучше и более меньше, и они слабее.

Плохо, что нет настоящего ухода, наблюдения врача за всем организмом, а не только за ходом гангрены.

Что написать о себе, о нас? Новый год принес нам сразу неприятность: наши оккупанты в Париже не хотят съезжать с квартиры, а по условию они должны ее освободить были на 1 января. Сейчас в маленькую нашу комнату, где стояла наша кладь, поселилась Ляля, — живет в холоде и без всяких удобств, т. к. наши оккупанты, кажется, люди неприятные.

Наши планы уехать с юга весной. Но на всякий случай я хотела бы иметь квартиру, т. к. Ян чувствует какие-то боли в области печени, а здешним врачам он не очень верит. Но, конечно, сейчас Париж очень страшен — сплошной Ледяной Дом с редкими оазисами тепла и уюта.

В газете «Патриот» прочла, что будет 60-летний юбилей Гончаровой. Что за чушь, ей лет 63-64, что же она в отрочестве уже стала художницей?

Ян и Леня шлют Вам и Вашим новогодние приветы. Кланяйтесь Вашим.

Сейчас пошел снег! Все бело. Вас целую.

Ваша Ника

21. I. 1945
Воскресенье

Дорогой Корси,

С наступающим Ангелом поздравляю, желаю успехов, здоровья и возможных радостей.

Любовь Александровна тоже просила поздравить Вас и пожелать всего, что Вам хочется и что Вам нужно для Вашей жизни, и поцеловать Вас крепко.

У ней я была в пятницу. Вид был неплохой, хотя утром у нее что-то вышло с монахиней — стали давать уж очень мало молока. Я все же постаралась отвлечь ее от мыслей о болезни и под конец она стала спокойнее. Затем пришла Миля, принесла суп.

Вообще главные жалобы, после невнимательного отношения к ней, это жалобы на голод. Мы с Аллочкой и Еленой Петровной думаем, что Вам следует ей посылать състные посылки. Здесь найти для нее ничего невозможно. Немного печений, и еще что-нибудь питательное, легкое. Если небольшой пакет, можно прямо ей в госпиталь, говорят, что можно $\frac{1}{2}$ кило. Если больше, то посылайте на имя Леона для нее. Миля и приготовить все может, — у них электрическая плита, да она и знает вкусы Л. Ал., которая все ест по своему особому обычаю, даже Е. П. не всегда угождает. У нее ведь очень сильные боли именно в желудке. А на мое имя посылок не присылайте. Я совершенно измучена с нашей огромной плитой — угля нет, дров мало и стряпать на ней теперь мука. Мы уже едим только одно блюдо. Кроме того реже и в больнице бываю, чем Миля. Здесь теперь и моркови не найти, ни пуаро — ничего! Картофеля тоже не выдают. Хлеб Л. А. есть не может. Устроили ей грессены, но их выдают меньше — 250 гр. вместо 350 гр.

Деньги тают — она платит священникам, докторам, прислугам, лекарства. На еду истратили всего 90 фр. на карамельки и 100 фр. виноград. Когда ей приносит больничный персонал его.

У меня в кассе ее осталось 1800 фр.

300 ф. — телегр. в Америку

150 ф. — лекарства

100 ф. — отцу Николаю за молебен

100 ф. — патеру, кот. обещал найти ей комнату
200 ф. — праздничные чай
200 ф. — д-ру Wetterwald'у (два визита)
100 ф. — монахине за пикюр
100 ф. — виноград (кто-то ей приносил)
50 ф. — свечи для действия желудка.

От Вас я для нее получила 1.800 и 1.500 фр., то есть 3.300 фр., а не 3.500, как Вы написали Ставраки.

Она все просит узнать у chef de clinique *) есть ли надежда на выздоровление. Но мне он сказал, что она « incurable ». Может быть, после анализа крови он и переменил мнение. Запросите его.

С понедельника ей опять будут делать пикюры. Мне кажется, они помогают ей. В ноге боли уменьшились. Сильнее они в желудке, поэтому она и не может есть ничего больничного, кроме пюре. Там все больше капустой отделяваются, и оперированные едят и не умирают...

Вчера выпал снег. Это нормально. Было красиво, как в России.

Заболел Лёня, с утра 37,6 под мышкой.

Ян тоже кашляет.

С квартирой в Париже неприятность — жильцы превратились в оккупантов и не хотят съезжать.

Привет и поздравления с дорогой именинницей Елене Александровне и Игорю Николаевичу.

Ян и Лёня шлют всем поздравительные приветы. Я крепко целую

Ваша Ника

5 февраля 1945 года

Дорогой Корси,

Сегодня по дороге в госпиталь я бросила Вам открытку, написанную наспех. А в больнице я узнала

*) Chef de clinique — главный врач больницы.

от Любовь Александровны, что ей сказали, что она должна выписаться, так как уколы можно делать и дома. Это нарушает её планы. Она думала пробыть еще три недели там.

Как я Вам сообщила в открытке, протестантский пастор нашел своих прихожан, которые согласились взять к себе больную, так как ей некуда деться. Но они сначала хотели за полный пансион 125 фр. в день, а затем уступили, согласившись взять за сто фр. Живут они где-то за госпиталем. У них есть сад. Есть прислуга. Сделали они это потому, что их просил пастор, значит, люди религиозные. Ходить Л. А. еще не может. Вероятно, ее перевезут в карете скорой помощи, так как к ним нужно будет ее внести на носилках.

А вернувшись домой нашла Ваше письмо.

В Грассе вообще нельзя найти комнату.

В пансион Л. А. не примут. Она все еще тяжело больная, да и в пансионе едва ли за ней может быть уход, тогда как там, вероятно, уход будет.

Л. А. просила меня написать Вам, так как без Вашего согласия она не решается.

От нее узнала, что все Скидельские живы, Леон получил письмо, но оно написано до получения телеграммы о болезни Л. А., в ответ на их два письма: одно послано было год назад, другое в ноябре.

Ответьте прямо в госпиталь, т. к. это ускорит ответ, пошлите экспрессом.

Конечно, это дороже, чем позволяют Ваши средства, но дешевле, чем клиника, в два раза, там 180 плюс 15%. А между тем, повторяю, она еще нуждается в уходе, она еще серьезно больна, еще ходить не может. Может быть, через месяц или два она уже будет выздоравливающей и тогда может переменить местожительство, но пока нужно не упускать этого случая, так мне, по крайней мере, кажется. Вероятно,

там будут ее хорошо кормить, а то ведь ей все же приходилось кое-что прикупать, да еще хорошо, родные и знакомые ей приносили, кто что мог, иначе она совсем бы пропала с голоду.

У меня ее денег осталось 1.500 фр. Вероятно, в следующий понедельник, когда я пойду к ней, все уже выяснится, и я передам ей эти деньги.

Очень понимаю, как Вам трудно, но что делать, не знаю. Надеюсь, что и из Америки помогут.

Во всяком случае ближайшие месяцы она должна быть и под наблюдением врача, и в более или менее хороших условиях жизни, тогда выздоровление пойдет быстрее.

Понимаю и сочувствую Вам относительно живописи. Но об этом в этом письме я говорить не хочу. В другой раз.

Я знаю, что Вам очень тяжело. Но сейчас это не оригинально.

А все же Ваша жизнь интересна, по крайней мере, на мой вкус.

А как сейчас тяжело в Париже! Снег лежит с Рождества, и вместо того, чтобы его сгрести, посыпают солью, от чего образуется такое, что люди ноги ломают...

Даже и у нас были морозы. Едим мы опять впроголодь. Овощей нет. [...]

Привет Вашим. Храни Вас всех Бог. Целую и обнимаю

Ваша Ника

Мои Вам кланяются.

5. II. 45

Дорогой Корси,

Пишу два слова: нет минуты свободной.

1) Л. А. лучше. Нога стала теплой, пикюры по-

могли. Кровь стала циркулировать с другой стороны ноги. Боли глав. обр. в желудке.

2) Пастор нашел чету, которая согласилась взять к себе на полный пансион 100 фр. (сто) в день, — есть сад.

3) Л. А. хочет переехать, кончив лечение пикюрами.

Целую. Спешу в больницу. Скоро напишу подробнее.

Ника

20 февраля 1945 года

Дорогой Корси,

Была два раза у Любовь Александровны. Лежит, бедная, в большом комфорте, не видит ужасов, которые всегда дает общая палата больницы, но, конечно, ухода настоящего нет. А стоит дорого: комната наполовину меньше, чем моя балконная, где Вы спали. Кровать, зеркальный шкаф, тумбочка и стул. Вчера принесли нечто похожее на высокий табурет, который и заменяет стол, есть она кроме картофельного пюре почти ничего не может, так как боли в желудке не проходят. Молока до сих пор не дают, хотя она на режиме, и дает не сто франков, а сто двадцать. Ужас, ужас! А ничего не поделаешь. Она просила доктора Веттервальда к ней придти, может быть теперь он начнет лечить ее желудок. Чтобы доехать из госпиталя в пансион, пришлось заплатить шоферу (он и вносил ее, в пансион ведет крутая лестница) двести франков. Перевезла ее какая-то барышня, служащая в «Секюр националь». Но и за это надо быть благодарным судьбе. Найти сейчас в Грассе комнату невозможно. Надо надеяться, что все же месяца за два-три она поправится и будет в состоянии хоть ковылять, а пока лежит. От нас это ближе, а главное нет такого большого

подъема. Это нужно спуститься по лестнице, которая ведет к протомойне, и взять налево и идти по довольно отлогому шоссе. И на полпути к Бельведеру этот Вельком и находится. Пойду и сегодня — нужно отнести лекарство: одно нашла, а другого в трех аптеках не было, просила купить виноградного сока, так как пить нечего, а вино ей вредно. Главная ее беда — нет человека, который бы жил для нее. На ней я вижу весь ужас одинокой жизни.

А мы уже на отлете. Хозяйка, не помню, писала ли я Вам, просит к первому апреля освободить виллу. Мы просим дать нам еще месяц срока. Страшно ехать в Париж так рано: дома все промерзли и может быть плохая погода. Да и поездов еще очень мало, и будут ли они через месяц — неизвестно. Вот и подводишь итоги своей жизни на Жанет. Больше тяжелого, чем радостного. Правда, время такое, что о радости стыдно и думать, но все же хотелось бы и для себя ее немного иметь, а ее нет. Жаль мне, конечно, кое-что и здесь: моего уединения, простора. Отсутствие городской суеты и частых свиданий с людьми, которые тебе не дают ничего, ни для ума ни для души. Здесь от этого было хорошо защищаться высотой, не так легко добраться. Но с другой стороны, хочется видеть близких сердцу, хочется побыть с теми, с кем можно отвести душу. Кроме того, отсутствие церкви очень меня мучает. Трудно молиться всегда одной. Хочется и церковной атмосферы, которая иной раз очень успокаивает и поддерживает. Пасха наша православная в этом году поздняя, 6 мая. Мечтаю и боюсь, что не будем еще на Страстной в Париже, а как бы хотелось, ведь с сорокового года путем не говела. Поедешь в Ля Бокка к обеду, исповедаешься, причистишься — вот и все. А если бы в конце апреля мы уехали бы, тогда как раз попали бы к Страстной. И Светлую литургию отстоять можно будет, и к Чаше подойти. А то в прош-

лом году я, кажется, так и не слышала «Христос Воскресе», только, выйдя в сад, мы с Лёней вполголоса пропели «Христос Воскресе» в полночь...

Но в Париже у нас тоже неприятности: наши жильцы все не съезжают, и бедная Ляля ютится в маленькой комнате, не может взять к себе Олечку, хотя мы писали, чтобы ей хотя бы дали большую комнату. Это некие Гревы, отец был правитель канцелярии у Кирилла Владимировича, вот и хамит вероятно потому...

Деньги, если хотите, можете послать и на меня, а то прямо туда, как Вам больше по вкусу. Во всяком случае больше месяца мы здесь не останемся [...]

(Конец письма утрачен).

1 марта 1945 года

Дорогой Корси,

Любовь Александровна попала из «огня да в полымя». В больнице было плохо, но все же был медицинский уход. А в пансионе она совершенно беспомощна и предоставлена самой себе. Есть может только суп и пюре, а часто ей подают горох и бобы... Не допроситься грессен. В больнице хоть бесплатно, а тут 120 фр! В субботу будет 2 недели, как она там, доктор был раз всего, а боли в желудке сильнее. Лекарств многих нет. Думали ее перевезти в Канны к диако-нессам, — пастор хлопотал, но там нет свободного места. Она думала, что Дозоль может ее устроить в какое-нибудь католическое учреждение для больных, вернее для выздоравливающих. Л. А. просила меня к ней зайти. Это молодая энергичная особа, работающая в *secours national*. Она мне сказала, что в *maison de retraite* *) Л. А. не возьмут, раз она дни проводит в

*) *Maison de retraite* — старческий дом.

постели, что здесь есть только или госпиталь, или *maison de retraite* для старых, но все же здоровых людей. Может быть, в Париже или Лионе есть какие-нибудь учреждения для людей, подобных Л. А., и что она хочет Вам написать сама и взяла Ваш адрес. Но я думаю, что это еще большая бессмыслица, чем переезд из госпиталя в пансион. Да и как перевозить? И сколько это может стоить? И так вчуже сердце кровью обливается при виде всех трат, которые и пользы-то не приносят только потому, что нет около нее ни одного человека, который бы жил ее интересами. Здесь всем она чужая. И это ее настоящая трагедия. Ближе всех и родной один Леон, но он сам нездоров, да и по природе не очень может быть кому бы то ни было полезен. До сих пор нет человека, женщины, которая бы ставила ей *lavement* *), помогала бы ей немного ходить. Она боится тратить деньги, хотя куда-то они уходят.

Мне с каждым днем становится труднее уделять ей время, хотя бывала чаще других, — уж очень она в тяжелом положении. Одиночество она переносит с трудом... А ведь она совсем шла к выздоровлению.

Мы доживаем здесь последний месяц, — едем в Париж. Представляете, сколько дел, забот и хлопот, и как трудно мне даже иной раз купить лекарство ей, — нужно обойти все аптеки, и то не всегда найдешь, да из дома без урона сейчас не выйдешь, дел по горло.

Mlle Dosol винит Л. А., что она выписалась из больницы, но это без всякого основания. Мне лично говорила монахиня, что она должна куда-нибудь переехать и, как милость, сказала, что два-три дня может остаться еще, когда «чета» отказала в комнате.

Желающих взять ее на пансион не находится. Комнат здесь нет. И нет никого, кто бы посвятил себя

*) *Lavement* — клизма.

для отыскания ей пристанища. А у семи нянек дитя всегда без глаза.

Пансион же странный: вчера я зашла к ней, принесла ей *jus de raisin* — было 6 ч. вечера — и... застала горничную за уборкой комнаты! А её голодную, — к завтраку подали горох! И сильнейшие боли в желудке. И никого за весь день не было.

Леоны бывают, но им теперь очень далеко ходить, а ему и высоко. Они проектируют взять комнату и найти женщину за стол и квартиру, чтобы она обслуживала.

Пищу путанно, но у меня голова идет кругом. Ликвидация виллы. Отправка вещей. Окончание всяких работ. Беганье за провизией, готовка, теперь я одна за все. Встаю в шесть, ложусь в 12 ч.

Лёня весь ушел в работу. «Последний удар кисти» — кончил первую книгу своей трилогии «Зимний дворец». Работает с утра до вечера, так что его жаль отрывать для хозяйства. Ян тоже что-то пишет, да и то на прошлой неделе они оба сами готовили ужин, т. к. я просидела с Л. А. А сегодня на час опоздала с завтраком, т. к. пришлось сбежать до нижней почты, к *Mlle Dosol* и потом бегать по аптекам... Принесла же с базара только мясо. Ушла в 8 ч. утра, пришла в 11 ч. 30 м.

Так Вы не знали, что горцы теперь «в огне и мече» *)! Они уехали из Канн в 43 году в мае месяце. Жили у брата Марги⁽⁵⁹⁾. Мне очень жаль Галю. Погубила себя! Мать Наташи⁽⁶⁰⁾ тоже там.

Очень хотелось бы о многом написать, да все уходит на другое. Нас выкидывает хозяйка. Были неприятности с квартирой — жильцы не хотели съезжать. С трудом их выжили наши друзья, но выехали ли они

*) Т. е. в Германии.

уже или нет, мы не знаем. У нас на квартире живет Ляля.

Лидочка получила разрешение вернуться.

Привет Вашим от всех нас. Вас целую

Ваша Ника

Олечке через две недели 12 лет!

2 марта 1945 года

(Открытка)

Сегодня телеграмма от нашей англичанки: позволила остаться до конца апреля. Все же можно не так сумасшедше спешить. Да и в Париже будет теплее. Я молю Бога на Страстной туда приехать, чтобы начать жизнь с церковей.

Сейчас иду к Л. А., несу письмо от «Женички».

Еще раз обнимаю

Ваша Ника

9 марта 1945 года

Дорогой мой Корси,

Тетя Ваша решила пока остаться в Welcome, хозяйка, узнав, что она хочет переехать, стала внимательнее, перевела в лучшую комнату с маленьким видом на дорогу и не взяла процентов на прислугу, то есть немного уступила, не поставила плату за телефон. Расплачиваться нужно каждые две недели, пришлось занять 1000 фр., как пришлете, так отдам «благодетелю», так молились дети у моих друзей Лопатиной и Еремеевой в преванториуме. Переехала она из госпиталя 17/2, платила 3 марта — теперь нужно будет платить 17/3. Денег у нее осталось 150 фр. — нужны лекарства, пикюры. А потому, если можно, вышлите.

Ваши доводы относительно того, чтобы мы до

окончания войны оставались в Грассе, не выдерживают критики.

1) Чем жить? Здесь заработать нельзя, а в Париже можно устроить вечер, запродать книгу и т. д.

2) Дороговизна здесь большая, т. к. продуктов меньше, если покупать из-под полы, а если жить на тикеты, то везде одинаковая.

3) Не дай Бог здесь заболеть, — по Л. Ал. вижу, — ни докторов, которым можно верить, ни лекарств. А мы в таком возрасте, что от болезни нельзя отмахиваться. А в Париже есть русские доктора, русские аптеки, всегда помогут, да и госпитали не такие плохие, как здесь.

Я уже не говорю о том полном одиночестве, в каком мы живем. Ведь нет ни единого человека, с которым можно поговорить о литературе, об искусстве, обо всем том, чем мы собственно живы.

А отсутствие церкви! Вам, вероятно, так некогда, что Вы просто по-настоящему серьезно не подумали.

Кроме Вас никто не находил, чтобы графы были «так не правы». Они дали слово, снимая, что съедут — нужно предупредить за два месяца. Подтвердили это слово 26 окт., обещав очистить квартиру к 1 янв., а затем заупрямились. И пришлось нашим друзьям с ними повозиться, серьезно поговорить... и они нашли квартиру на rue Vital, тоже в Passy.

Что же касается нас, то раз мы согласились с нашей англичанкой, что съедем при первом ее желании, то что бы то ни было, мы съехали бы. Мы попросили дать нам лишний месяц, и она дала. Значит, в апреле, Бог даст, проедем через Лион.

Теперь особенно приятно быть человеком слова, в такое время.

Кроме того, переезжать на север нужно с весны, чтобы во-первых не сразу попасть в холод, а во-вторых кой-чем на зиму запастись.

При мне Л. А. переходила из одной комнаты в другую. Боюсь, что она не долговечна — шла, едва переступая. Сердце сжималось. Повторяю, ее трагедия, что нет около нее ни одного человека, посвятившего себя ей. А мы все гроша ломаного не стоим, — это развлечение для нее, не польза.

Обнимаю, целую. Мои кланяются Вашим
От меня привет

Ваша Ника.

20. III. 1945

Дорогой мой Корси,
Деньги получила 3.600 фр.

Вышло: за пансион за
месяц (устроили!) 3150

Лекарство для пикюров 100

Доктору 100

Сегодня заплатила за
перевозку Л. А.

Вчера дала Л. А. 150

3810

У меня еще осталось
ее денег 476 фр. —
из прежних.

Вы знаете, она опять в госпитале! У нее на большом пальце рядом с тем, на котором черное пятно, появился гной. Ей последнее время в пансионе было опять плохо: сильнейший шум в ушах, страх быть одной, всякие мысли, боли в ноге, желудке — вызвали врача Wetterwald'a и он спешно отправил ее в больницу. Я вчера уже навестила ее там. Доктор ее успокоил, что ничего серьезного, но все же нужны пикюры. Ведь только за два дня до ее переезда из пансиона удалось достать ей лекарство для впрыскивания, и то не то, что нужно, а другое, близкое по составу. Ян и в Каннах, и в Ницце искал его, но безрезультатно! И вот целый месяц ей не делали уколов,

а это необходимо! Раз в месяц. Поднялось и давление. Да и в пансионе жизнь не для такого больного, одинокого человека.

Она даже была вчера в хорошем настроении... рада, что не одна. Только голодно!

Я рада и за Вас. Если бы ей было хорошо в пансионе, и она поправилась бы, то дело другое. Но ей было там тяжело, а стоило непосильно дорого, что ее тоже очень мучило. Она все думает, как бы облегчить Вас.

Бог даст, она теперь поправится, и уже не выпишется раньше времени, за этим последят. Конечно, там голодно, но туда скорее принесут, чем в пансион. Да и сама может кое-что тратить

Леоны очень взволновались. Миля уже носила суп. Приготовила даже два куска кролика, да собака стащила! Очень огорчена.

Из Америки до сих пор — ничего. А И. А. получает посылки, они приходят развороченные. Вчера в коробочке с какао — его оставили на доньшке, и картонка была далеко не полная!

У бедной Ляли — головокружения, недавно упала в ванне, треснули ребра! Очень боюсь за нее. Ей нужно зарабатывать, а как тут при таком состоянии здоровья, при нас ей будет легче. Я ею займусь, помолитесь, чтобы она за этот месяц не заболела. А Олечке уже 12 лет неделю назад минуло. Я в ее возрасте уже была влюблена, а в меня начали влюбляться с десятилетнего возраста, да как еще страстно! Приедем — и не узнаем. Боюсь, что из-за ребра Ляля не могла отпраздновать ее день рождения, а мы так радовались, что она может сделать прием в своей квартире!

Целую Вас. Привет всем Вам от всех нас.

Ваша Ника.

Письмо В. Н. Буниной к Е. П. Ставраки

5 июля 1945 года

Дорогая и милая Елена Петровна,

Наконец выбрала час времени, чтобы Вам написать.

Спасибо за Ваше длинное письмо, которое пришло в очень для меня жаркое время — заботы и хлопоты перед вечером. Он прошел удачно, дал больше 30.000 фр. Зал был полон. Только Ив. А. было трудно читать: по приезде простудился и кашляет шесть недель, похоже на коклюш. За два часа перед выступлением был доктор, и, слава Богу, за чтением не раскашлялся. Но я чувствовала, как ему трудно было читать.

Сегодня радостный день: пришли чемоданы из Канн Лёне, но еще не знаю все ли? Сейчас узнала: все!

Вы не совсем правильно поняли меня: у меня не болит сердце, сердце ослабело от усталости и утомления. Иногда чувствую, как внутри оно дрожит. Но все же держусь и работаю. Кроме хозяйства, — *f. d. ménage* у нас нет, еще у меня есть занятие, — даю урок русского языка одному ученому французу. Оплата высокая, 180 фр. два раза в неделю. За четыре раза получила уже 720 фр.! Заниматься с ним интересно. Он уже говорит и читает, но выговор еще очень иностранный.

Получили ли Вы черную материю для фартука Миши? Вы об этом ничего не писали, и я боюсь, не пропала ли она? Почтовая квитанция у меня. Если не получили, то сделаю заявление.

Погода странная: два раза было жарко в мае и июне, а сейчас скорее прохладно. Такого июля не запомню, — забываешь, что лето.

Сегодня от Татьяны Муравьевой получила открытку из Канн по дороге в Лион. Одна фраза меня обеспокоила: «Но все обошлось благополучно»... Что-нибудь было у Люб. Ал.?

Лёня сейчас пишет доклад о своих открытиях в археологии, который пошлет в Москву. Он теперь зарабатывает больше пяти тысяч в месяц. Плохо у него только с комнатой. Есть маленькая надежда на очень удобную, но я боюсь о ней даже и мечтать.

Одно время у него был хороший вид, но последнюю неделю стал худеть из-за своих чемоданов. Теперь, Бог даст, совсем успокоится. Он часто бывает у нас. Иной раз по целым вечерам беседуют с И. А. за чайным столом... Сегодня даже мы все втроем обедали, ели свои котлеты. Обычно он стряпает у себя, а завтракает в «Патриоте», где кормят дешево и хорошо.

Олечка перешла без экзаменов.. Директор написал родителям поздравительное письмо. На лето ее отправляют в лагерь. Я обещала ей театр. И вот думаем, куда поехать? Оказывается, совсем не знаем, как в Париже открываются театральные двери! Не то что в Москве..

Поедете ли Вы к Вашим на дачу? Не заглянете ли и в Париж? Здесь неплохо, но жить приходится кварталами. У некоторых до сих пор не была, — метро сильно утомляет.

Аля стал писать в газетах — в «Честном Слоне» и «Патриоте». Я почти нигде не бываю.

И. А. и Л. Ф. шлют Вам и Аллочке привет, я же Вас обеих обнимаю

Ваша В. Бунина.

20 августа 1947 года

Дорогой Корси,

Пишу в разгроме — убираю à fond свою комнату, — но если сейчас не напишу, то пиши пропало. А у меня как раз свободное время — Ян заснул, а картошку ставить рано. Нужно кончить письмо, положить в конверт и т. д. Недавно, ища свою рукопись, я наткнулась на длинное письмо к Вам, которое, конечно, забыла отправить...

Сегодня немного свежее. Надеюсь, что такого зноя, который был в самом конце июля и начале августа, не повторится, была еще одна волна жары, но все же не такой удушающей. Мне было тяжело, что не удалось Яна устроить куда-нибудь в зелень: где хорошо, так «капитала не достанет», а где по карману — там убожество, а убожество он, как Вы знаете, не переносит, лучше нищета! От всего у него ослабело сердце, так что д-р Вербов назначил ему «сердечное лечение», и теперь он чувствует себя бодрее. Выходит из дома мало, но много возится со своим архивом. Много читает, но еще не пишет ничего, кроме деловых писем.

А я стала продолжать свои «Беседы с памятью». Еще очень трудно: после длинного перерыва найти верный тон, нужно или сохранить стиль уже написанного, или же начать писать по-новому; все это решить, когда пот льется иной раз даже и у меня по лицу, трудно. Много читаю, кончаю целую серию книг,

изданных в России «Academia» 1929 г., как раз разные воспоминания. Сейчас кончаю Каратыгина, прочла об Аполлоне Григорьеве, о Чехове, о Салонах в первой половине XIX века. Жили интереснее нас, но меньше было исторических событий, когда же они бывали, то теперь кажутся пустяками рядом с нашими, даже нашествие Наполеона... Сравните жизнь, например, в Петербурге с жизнью в Ленинграде во время «Отечественной войны».

Все наши в Vendée, Ляля с Олечкой в скаутском лагере, а Лёня в своей палатке рядом в «Turing Club'e». Не сговариваясь, собираясь в разные стороны, они очутились под одним небом, под сенью одних и тех же сосен, в волнах одного и того же океана. Лёня пишет восторженные письма. Влюблен в океан. Наслаждается примитивной жизнью, живя в собственном полотняном доме, готовя себе еду в печке, вырытой в песке. От Ляли и Олечки получили по одному письму. Ляля живет в родительском лагере, вместе с другими мамашами. Ей сделали скидку как бывшей скаутке.

Посылаю Вам X книгу «Нового Журнала» и жду от Вас перевода в 300 фр. — 50 фр. на «Быструю Помощь», как Вы говорили. Заранее благодарю.

Лёня очень сочувственно отнесся к Вашей затее помочь Додику, но перед отъездом у него не было времени заняться ею. Напишите Гончаровой, чтобы она попросила у Шурочки. Лёня попросит у Конюс, я — в «Быстрой Помощи»... Напишите побольше о себе. Мы Вас целуем. Привет Вашей маме и Игорю Николаевичу сердечный.

Ваша Ника

Наше с Вами сидение в кафе вспоминаю с радостью, кроме него только раз с Конюс ездили в «под-парижский» пансион в Марли — вот и все удовольствия за лето.

Где Елена Петровна, не знаете ли ее адреса?

7 сентября 1947
Воскресенье

Дорогая Корси,

Посылаю Вам квитанцию от «Быстрой помощи», а на днях вышлю 11-ую книгу «Нового Журнала». Спасибо!

Стало прохладно. Кончилась «страдная пора» из-за жары. У Яна ослабело сердце. Теперь легче.

Лёня вернулся, — загорел, похудел, окреп, — с повышенным аппетитом и с большим желанием спать.

Ляля с Олечкой возвращаются 10/IX.. Ляля почти все время кашляла и не пользовалась океаном, пляжем. Перед отъездом Лёни она стала чувствовать себя лучше. Мы так никуда и не поехали. Впрочем, я-то и не собиралась, я надеялась, что Ян где-нибудь переждет жару, но он не «взошел» на дорогой пансион, а в средний его не манило. Да после того, как сердце его ослабело, я не хотела его отпускать — дома «стены помогают». Сейчас у него только одышка и немного увеличена печень. О себе писать, собственно, нечего. От попыток писать вышло мало. Психически я отдохнула, но физически... вернее, отсутствие свободного времени — ведь живя вдвоем я не только «одна за все», но и «девочка на побегушках», словом, иногда приходилось работать так часов тринадцать (стирка, например). Прибавилась и лишняя комната. В Лялиной мы обедали. Я все время поддерживаю чистоту и порядок. Правда, за эти шесть недель у меня три раза были помощники. Один вымыл кухню и вычистил комнаты, другая погладила мужские рубашки, а третья вчера погладила немного белья, вымела три комнаты и коридор, и это облегчение, — сегодня могу спокойно писать Вам, пока «мой» не проснулся. Проснулся! Все подала и опять свободна на некоторое время — варится *pot-au-feu*.

За это время была радость, — на Успение при-

чащалась. Исповедовалась у особенного иеромонаха отца Сергия Мусина-Пушкина, — никогда такой исповеди не было. Такого, не знаю как выразить, единения, понимания. Говорят, что он необыкновенно смиренен. Кроме этого я много читаю: одна книга духовная о молитве Иисусовой. Очень полезное и значительное чтение. А из светского — по истории литературы — о Аполлоне Григорьеве, замечательная личность, ум, вкус, широта понимания и вечная неразделённая любовь; о салонах первой половины XIX века; о Чехове два тома, и работу Биццили о нем же, много нового узнала и подлинного, а не тем, кем казался он современникам; прочла два тома воспоминаний Каратыгина. Теперь читаю о Диккенсе, я мало о нем знала. Интересная жизнь, оригинальный человек. Все эти книги из России.

В октябре Ян хочет устроить свой вечер.

Обнимаю, целую. Привет сердечный маме и мужу. Мои рыцари низко всем вам кланяются.

Ваша Ника

17. IX. 47

Дорогой Корси,

Забыла вложить в последнее письмо квитанцию, которую и посылаю Вам.

Получила от М. С. Цетлиной письмо, где она извещает, что скоро выходит 16-я книга во-первых, а во-вторых, что теперь стоимость книги должна вырасти до 320 и что и прежние книги должны подняться до этой цены. Но так как Вы уже закупили шесть книг (от X — до XV), то за эти книги Вам нужно будет платить по прежней цене. Я отложила их. В октябре выпшлю 12-ую книгу. Надеюсь, что 11-ую уже читаете.

В октябре, вероятно, совсем в конце, Ян решил устраивать вечер. О дне узнаете из газет, пока еще

зал не снят. Хотели снять *salle Chopin* около *rue Daru*. Не знаю, что выйдет из этой затеи. Но без вечера обойтись трудно, — ведь нужно на холодные месяца ехать на юг, а Ян без меня не хочет. А вдвоем один переезд будет стоить дорого.

Сейчас ночь. Не спится, решила писать письма. Днем нет времени. У нас опять стало жарко. Иной раз даже тяжко. Но все же это лучше холодов.

Как Вы живете? Где Елена Петровна? Хочу ей написать. Узнать, как и что? Где она отдыхала от однообразия греческой жизни?

Наш ковчег наполнился. Пока все тихо и спокойно. Ляля и Олечка поправились и загорели. Особенно первая. Она еще в квартире ходит в пляжном костюме — трусики и голая спина.

Леня раскачивается для писания.

Сегодня был Додик, вид хороший. Этой осенью он в Россию не едет, — нельзя оставить церковь, — но ему очень хочется «домой». Вид хороший, довольный.

Понемногу возвращаются в Париж те, кому удалось пожить в необычной обстановке. Почти все довольны, лето было хорошее, большинство жило привольно, а кто побогаче, тот с комфортом платил бешеные деньги.

Получили сегодня из Москвы от писателя Телешова письмо. Ему скоро будет 80 лет. Но он еще бодр и работает — заведует музеем Худ. Театра и пишет воспоминания. Это первый писатель, с которым я познакомилась, когда мне было 13 лет! Целую Вас и приветствую Ваших. Мои все спят!

Ваша В.

Да, в мое отсутствие, — ездила с Олечкой в Орéга, брали билеты на Бориса Годунова Мусоргского, — зашли к нам N с мужем. Значит, все вранье. N, по словам Лёни, хорошенькая, веселая, муж тоже ему по-

нравился. Они едут в Прагу, вернутся через Париж опять в Брюссель. Мать N работает в русской зоне в Германии, очень довольна.

9. II. 1948

Дорогой мой Корси,

Получили ли Вы 15 книгу «Нов. Ж.», которую Вам должна выслать была или Ляля, или Лёня! Отложила для Вас 16 и 17, эти номера уже по 330. А затем следующая книга будет стоить 450. Z хотела бы взять 450 фр. уже за 17, но я заранее запродала по 330, а потому 17-ая идет у меня за 330 фр. И это последняя книга, которую я распространяю, и то только потому, чтобы своих «клиентов» не поставить неожиданно в неудобное положение. Дело в том, что у нас полный разрыв с Z. Она возмутилась нашим уходом из Союза и написала высокопарное с трескучими фразами письмо, из которого явствовало, что ее неправильно информировали. Мы ответили ей каждый — почему ушел из Союза, ушли мы по разным причинам.

В ответ была послана телеграмма, что объяснения в письме. И целый месяц мы письма не получали. А за это время нам кое-что написали. [...]

Писали из Парижа: «X, получив письмо в незапечатанном виде, прежде чем отослать Вам, показывали его людям, к литературе никакого касательства не имеющим... Мне содержание его было раньше известно, чем Вам». А сегодня наконец письмо от Z. Извинения за то, что письмо было в незапечатанном виде послано через X, но, видите ли, она не знала, в Париже мы или на юге, хотя здешний адрес она отлично знает, — высылает журнал. Объяснения детские, как и то, что она рассылала копии своего письма. А затем сообщает, что ее письмо к нам явилось в ре-

зультате писем X, и которые подробно ей писали о причинах нашего ухода. Почему они знали?

Она в своем первом письме писала о «крестном пути» Яна — ну, понимаете, что ей наврали? Мы тихо, мирно сидим, взяли десятилетние паспорта, и ни о чем не думаем, кроме того, как поправить здоровье Яна, а они сообщают, что мы чуть ли не в путь дорогу дальнюю собираемся... Ян писал ей, что он ушел не из сочувствия к сов. подданным, а по другим причинам, и она ответила, что солидарна с мнением X, кот. хотя 24 мая мне сказал, что он против исключения сов. подданных, и затем стал нас за это обвинять в большевизанстве. Я против политики и из Союза ушла потому, что Союз стал на путь политики.

Да X и нам писал, что «поступок» Яна все поняли так, что он сделан из сочувствия к красным, и что «окружение» на него влияло. А он ушел как раз по другим причинам и как раз не по вкусу «окружения».

Все понятно: в Союзе осталось писателей на доньшке, им неловко — вот они и срывают злобу на Яне. Все это и выеденного яйца не стоит, но все же для человека со слобым сердцем всякое волнение — яд. Последние дни Ян стал лучше себя чувствовать, ежедневно около часа бывал на воздухе, а сегодня из дому уже не вышел. И опять кашляет больше чем вчера.

Относительно Иолшина⁽⁶¹⁾ ничего сейчас не могу сделать. Кто теперь будет издавать словари? Знаю, что в Америке устраивается Архив. Могу спросить Алданова, к кому нужно об этом написать.

Буду рада, если Вы приедете на юг. Тогда повидаемся. Я до сих пор никуда не выезжала из Juan'a. Не хочу надолго оставлять Яна. Спать, слава Богу, стал ночью. Но слабость не проходит.

Больше двух месяцев зимы не будем в состоянии здесь прожить, «капитал не позволяет».

Как только получу от Вас деньги за 15-ую книгу, так вышлю 16-ую, интересен там Гуль — хорошо дал Пензу после большевицкого переворота, в 17-ой еще лучше зарождение Белого движения — все автобиографично. Любопытен Газданов. Очень интересны воспоминания М. Шабля о застенках НКВД. В 16 книге рассказ Алданова «Астрологи» о конце Гитлера. Интересен Коряков, невозвращенец!

История с Z очень отравила здешнюю жизнь. Я только что собралась снова вести «Беседы с памятью», как сегодня опять письмо от нее. Я даже одна долго шла вдоль моря, смотря на самые тонкие разноцветные оттенки моря. Было довольно тихо. На пляже мальчишки прыгали с парашюта в мягкий песок. Вспоминала прошлое, летнюю пору — с грудой тел, зонтиками, креслами, кабинками, ресторанами, где почти голые женщины танцевали с мужчинами в тяжелых купальных халатах. И как все умещалось на таком узком пляже!

Лидочка о себе говорит так: «Я всегда везде была *la plus belle*». Предлагал ей руку и сердце Ладинский, — не слыхала. Вообще, она играет большую здесь роль. Но в «Дом» при нас, слава Богу, не приезжает. Да и Роговский в Париже. Но отец Николай там всегда. Вчера были блины, именины маман. Она почти всех здешних пансионеров по очереди приглашает к себе. Ухаживает за Даманской, — ведь она критик, а та — писательница. Даже Кирилла заставляет уступать ей комнату...

Целую, жду Вас и деньги. В апреле я все должна сдать.

Приветы от нас Игорю Николаевичу

Вас мы целуем

Ваша Ника

9 марта 1948 года

Дорогой Корси,

Спасибо — 400 фр. получила. Не совсем понимаю Ваш расчет? 50 фр. «Б. П.» за февраль. Остается 350. За какую книгу Вы посылаете? Если за 15-ую, то я с Вас беру за нее 250 фр. т. к. Вы купили ее осенью до повышения цен. 16-ую книгу я послала Вам, надеюсь, Вы получили ее, она стоит 330 фр., если этот расчет правилен, то Вы в марте должны мне прислать 330 Н. Ж. + 50 Б. П. = 380 фр. — 100, то есть 280 ф. всего. Как получу от Вас деньги, отошлю 17-ую. Хорошо было бы, если бы Вы за нее прислали в самом начале апреля 330 Н.Ж. + 50 Б.П. = 380. Цетлина писала, что теперь книга должна стоить 450, но раз «Вы уже сказали, что 330, то, понятно, нельзя брать дороже». А так как я писала Вам об этой сумме, то Вам и не нужно платить 450 ф. Если Вы захотите получать следующие экземпляры, то я могу Вас сосватать с Алексеем Петровичем Струве, они будут уже по 450. А у нас с Вами будет связь «Быстрая Помощь». Ян не очень радуется меня. Его основная болезнь опять обострилась. Боюсь, что опять становится недостаточно красных шариков. А врачей настоящих вокруг нет. По воскресеньям приезжает хирург, правда, он сам страдал теми же недугами и лечился у знаменитого врача, Дельби, — вот и лечит «Дельбисом». Погода скверная, Ян не выходит почти никогда. Вял, слаб. Жизнь стоит здесь дорого, так как нужно прикупать, а что? — ветчину, яйца, белый хлеб — все кусается. О лекарствах и не говорю — две маленькие коробки эмостила 570 фр.!

Может быть, Вы приедете сюда на католическую Пасху? Я думаю, что мы еще не уедем. Тогда сразу известите, и я могу приехать на свидание в Канны, если Вам будет некогда приехать в «Roussky Dom».

У нас тут было горе. Скончался некий Дольник-Александров, может быть, Вы или Ваша мама знаете

его, у них в Симеизе было имение. Тяжело болел. Агония длилась 4 дня. И мы все скрыли от Яна, желая его не волновать. Они даже не были знакомы. Но пришло письмо от Михайлова, и все разоблачено. Слава Богу, что уже через несколько дней после погребения.

А тут еще была тема для рассказа: в день смерти был назначен прием ниццких журналистов — 6 марта будет в Negresco в пользу «Roussky Dom'a». И вот в приемной угощение. У нас интервью, снятие везде, а в среднем этаже покойник. И батюшка ждет отъезда гостей, чтобы служить панихиду... На следующее утро у нас отпели и отвезли на антибское кладбище... Вот Вам и жизнь.

Привет наш Игорю Николаевичу. Вас целуем.
Ваша Ника

20. III.48

Дорогой Корси,

На днях заказной бандеролью послала Вам 17-ую книгу «Нового Журнала». Очень хорош Гуль. Увлечателен Газданов. Интересно было узнать о детстве и юности Жуковского. Очень слаб рассказ Берберовой. Из статей самая интересная статья о Вышинском Вишняка. Сухо и без всякой яркости статья Мельгунова, но много в ней интересных фактов, для меня не новых, — о этих днях пишет Леня в своем «Зимнем Дворце», и какая разница с Мельгуновым, — у него все живет, искрится, и то, чего он касается, запечатлевается крепко в памяти. Историк должен быть одарен художественно, как например Ключевский, Мельгунов этим даром не обладает.

Это последняя книга, которой я занимаюсь. Если Вы захотите иметь следующую, я Вам устрою. Она будет стоить уже 450 фр. Цетлина уже хотела и за

17-ую брать 450, да я не обратила на это внимания, раз одному продала за 330, не могу с другого брать 450.

Деньги за последнюю книгу Вы мне передадите лично, если приедете на юг, а если нет, то пришлите в апреле с тем расчетом, чтобы Ваш mandat пришел до 20. IV. 23 апреля день, когда мы впервые пустились в путь 42 г. тому назад, если все будет благополучно, Бог даст, мы двинемся в Париж.

Надоело жить в богоугодном заведении. Надоел простой стол. Выходит дорого. Ян все равно воздухом почти не пользуется, — 49 ступеней лестницы отбивают охоту даже выйти в сад. Я рада, что здесь, больше за своих, у Лени хорошая с печкой комната, Ляля живет с Олечкой, отец которой у них столуется, и все семейство ест вкусно и сытно.

Как-то была на чтении Канона Андрея Критского и пешком вернулась домой. Первый раз за все время почувствовала радость в сердце, когда в мягкую теплую ночь, вернее вечер, я шла по пустынной дороге, порой освещаемой редкими машинами, пролетавшими мимо с головокружительной быстротой, или тяжелыми жуткими грузовиками. Отравляла мысль, что Ян беспокоится. Проголодалась — зашла в лавочку, купила кусок ветчины, хлеба (дали), бананов и яблок и на ходу насытилась. Как-то вдруг почувствовала я себя в прошлой жизни, когда была способна чувствовать природу, жить с ней одной жизнью, чувствовать радость от ходьбы и т. д.

Обнимаю, целую. Ян шлет Вам и Иг. Н. свой сердечный привет. Ваша Ника. Кланяюсь Игорю Николаевичу.

Сегодня была у нас Елена Петровна с Аллочкой, последняя посидела немного, спешила к мужу. Она стала уже настоящей дамой. Ел. П. посидела, потом мы гуляли, вернее ходили по магазинам за прикупками. Море было чудесное, с тонкими оттенками.

15 мая 48 года

Дорогой Корси,

Спасибо за сто франков на «Быструю Помощь». Но только Вы уже заплатили за апрель, так что это будет за май и июнь. Квитанции не посылаю, так как у нас все вверх дном, чистится квартира.

В нашей семье новость: Ляля вышла замуж за одного поэта, пока еще «нелегально», но все родственники ее признали, и она вместе с Олечкой переехала на квартиру своего нового мужа и его матери. Оба очень довольны. Он талантливый поэт, и написал несколько рассказов. Печатается в «Новоселье» и Новостях. Фамилия Величковский. Очень приятный человек. Кроме поэзии еще служит, зарабатывает больше 20 тысяч франков в месяц. Хозяйством занимается его мать. Она довольна, что Ляля из хорошей дворянской семьи, она старого закала, бывшая помещица с Украины. В настоящее время Ляля себя чувствует плохо физически и очень счастливо душевно.

Вторая новость менее потрясающая: вечер Лени, который будет 5 июня. Вам следует устроить так, чтобы быть на нем. Напишите, в какую цену оставить Вам билет, чтобы сидеть хорошо, то есть лучший из той или другой цены. Вечер его будет интересный. Несколько вещей его будет читать Рощина-Инсарова. Читает она мастерски. Леня тоже будет выступать. Происходить это будет в Русской Консерватории.

Теперь у нас стало свободнее. У Яна есть кабинет. Он начал работу по своему архиву, так что его кабинет очень загроможден чемоданами. Это хорошо. Введет его в работу. Есть и столовая. Можно сидеть и пить чай.

Я очень устала от уборки, так как переносить вещи и расставлять приходится мне. Слава Богу, что это пришлось на Троицу: все буржуи разъехались и нельзя в эти дни продавать билеты, так что я законно

сизу дома. А затем нужно будет напрячь все силы, чтобы Лене его вечер дал максимум.

Вчера был вечер Георгия Иванова. Стихи его хорошие, но доход был небольшой. Не сообразили, что 16 мая Троица французская, и все богатые люди были в отсутствии. Даже буфет не помог. Торговал он мало.

Вообще сейчас серия вечеров. 20 мая вечер Даманской. 22 вечер Присмановой. Недавно был вечер Газданова. Поэтому очень трудно будет устроить хорошо для Лени. Особенно потому, что теперь я одна. Нужно всегда кормить Яна. А ведь застать можно или около завтрака, или около обеда. Надеюсь на Бога. Когда Вы все-таки думаете нагреться в Париж. И как? Одна? или с Игорем Николаевичем?

Стало жарко. Можно ходить в легком платье. А то было совсем холодно.

Нужно кончать, так как сейчас встанет Ян и прогонит меня со своего письменного стола, где я пишу.

Привет от всех нас Игорю Николаевичу и Елене Александровне. Вас мы целуем.

Ваша Ника

24. IV. 1948

Дорогой мой Корси,

Наконец я пишу Вам! Трудно даже понять, почему написать письмо мне нет возможности? А между тем это так.

Спасибо Вам за деньги (300 фр.). Очень тронута. Леня благодарит. Вечер удался во всех смыслах. Не доставало лишь Вас, был и Додик, и Успенские, и другие друзья Лени. Общество было на ять. Леня читал хорошо. Первую главу «Зимнего Дворца», а Рощина-Инсарова мастерски подала его три рассказа. Я слышала много даже восторженных отзывов. Доход

тоже неплохой: больше сорока тысяч, это дает ему возможность поехать на отдых в Бретань и затем прожить несколько месяцев. Был и буфет: Б. С. Нилус⁽⁶²⁾ блистала пирожками, было три торта, сэндвичи с колбасой, водка, вино и сидр. 6.000 фр. — покрыло все расходы 2000 зал + 500 билеты + 750 посуда и расходы по перевозке вина и других продуктов, и еще осталось полторы тысячи.

Жаль, что Вы не приехали. Я без Вас ни на одной выставке еще не была. Без Ляли стало труднее отлучаться из дому — Ян не любит оставаться один, — а Леня днем в библиотеке, а вечером где-нибудь обедает: после успеха он стал нарасхват.

Ну, Леня «сошел с рук». На очереди Ляля. Она очень счастлива. Знает наизусть почти все стихи своего «мужа». Он талантливый и очень приятный человек. Ян его любит и всегда, когда они приходят, сидит с ним.

Не знаю, писала ли я, что кроме поэзии он еще занимается, вернее служит «ливрером» в одном магазине. Основное жалованье 8.000 + завтрак и + чаевые. Зимой доходило до 17.000, а теперь меньше. Богатые люди на week-end уезжают за город, меньше вообще принимают, уже поднимается вопрос о лете. На август этот магазин будет закрыт. *Congé payé* *) его две недели — значит 4.000. На это не разгуляешься. А между тем на этот месяц у него все надежды — спокойно писать. Он очень страдает, что не может по-настоящему работать. Вы это поймете лучше, чем кто-либо. У его брата есть дом в Савойе, и он позволяет им на месяц туда поехать. Это большой шанс и для Ляли (сердце), и для него (дыхательные пути), — он все кашляет, но... что делать? и Ляля решила разыграть свою скатерть, которую оценивают в 10.000

*) Оплаченный отпуск.

фр., кроме скатерти будет электрический утюг «le dernier cri», несколько картин и кое-что из американских посылок — кофе, чай и т. д. Цена билета 100 фр. И опять я. А я устала так, что и сказать не могу. А отказать не хватает духа. У Ляли до сих пор не было, кажется, месяца счастливой любовной жизни. А тут ведь почти медовый месяц... И как поэтично — горы, озеро, вдали Монблан и редкое чувство — любовь. Ну как тут отказать. Думаю, что Вы при Вашей широте тоже не откажете и возьмете два-три билета, а вдруг и выиграете утюг! Который сам гладит. Олечка очень занята, решила переходить в лицей и готовится к экзаменам и туда, и к переходным в русской гимназии. К «мужу» мама она относится благожелательно, они на «ты». Обнимаю, целую. Привет Вам.
Ваша Ника.

8 мая 1949 года

Воистину Воскресе.

Корси дорогой,

Спасибо за поздравление.

Мы все еще в благодатном краю, но им не пользуемся.

После Вашего отъезда во второй раз Ян заболел воспалением в правом легком. Но, слава Богу, опять удалось прервать.

И было досадно: он писал. Кое-что за три недели он успел. Теперь снова пишет. Но зато из комнаты не выходит, — боится опять слечь.

14 мая, если будет благополучно, мы тронемся на север. Сейчас Леня, по моей просьбе, приводит квартиру в порядок. Консьерж натирает полы, моет окна и т. д.

Я твердо решила быть шесть дней «invisible», а один день в неделю отдавать друзьям. Иначе из су-

домойки не вылезешь, а мне уже не так много и жить остается в здравом уме и твердой памяти. Да и Яну нужно покой дать, пусть в один день приходят лучше вместе. Хочется еще кое-что сделать. Я здесь пришла в себя. А то за последние два года совсем сбилась с панталыку.

Сегодня был прелестный почти жаркий день. Подходила к морю — все изумительно и все не для меня! Как захотелось пойти на острова и там лечь под пинии и слушать шум моря. И это в моей жизни уже недоступно!..

Опять начали купаться, дети возятся в песке, лодыри играют в мяч, и местные красавицы показывают, откуда ноги растут, а то целую неделю — небо низко, ветер, дождь... Москиты уж покусывают.

Очень беспокоит Олечка: в их пансионе у одной девочки открылся туберкулез, и заметили это, когда ее свезли в больницу, а она жила в дортуаре...

Ляля уехала с ней к другу своего брата под Страсбург. Но Олечке нужно учиться. И вернулись ли они, я не знаю. Обе писали бестолковые письма. Ляля сообщила, что Олечка была очень удручена. И из письма выходит, что еще что-то случилось? И куда они вернуться, не знаю. У Ляли ничуть не уменьшилась неприязнь к *belle-mère*.

Лидочка отсюда в четверг уезжает совсем. Два раза на Пасхе «кутили» — в Монте Карло ели лангусту.

Обнимаем и троекратно целуем Вас и Игоря Николаевича

Ваша всегда Ника

Когда Вы будете в Париже?

Дорогой Корси,
Очень была рада весточке.

Все хотела написать, да «кабаны не пускают». Дело в том, что я оказалась больной (!) — декальцификация четвертого поясничного позвонка! От него все качества, то есть боли, свинцом налит крестец, больно поворачиваться в постели, вставать из нее по утрам. Словом, весело! Запрещено все, что нужно делать. И ко всем этим прелестям меня покинула наша *f. de ménage*.

Очень рада, что увижу Вас у себя на именинах. На сколько Вы приезжаете? Устройте так, чтобы остаться на 29 октября (суббота). В этот день Леня устраивает свой вечер. Будет читать и Рощина-Инсарова его вещи. Он, бедный, не мог даже на три недели поехать куда-нибудь отдохнуть...

Мы, то есть Князь пока вечера не устраивает, — некому распространять билеты, Б. С. Нилус все еще слаба. Сейчас она после Виши отдыхает в деревне.

Лене я могу многое сделать, а мне для Князя невозможно. Со мной Б. С. может тоже кое-что сделать, а одной ей было бы трудно.

У нас теперь приемные дни: первый и третий четверги каждого месяца. В октябре 6/X и 20/X. До сентября было еженедельно. Иногда бывало больше 20 человек. А в *saison morte* меньше, но все же «народы» бывали. Это я сделала для того, чтобы Ян хоть немного общался с людьми и чтоб к нам не ходили ежедневно гости, ибо приехала я больная, и мне было бы не по силам жить прошлогодним житьем. Теперь «живем, как в Грассе»... Ляля с Олечкой на океане. Величковский в санатории, но ему гораздо лучше. Привет от всех нас Вашим и Вам.

Я Вас целую и жду!

Ваша Ника

18 октября 1949. года

Дорогой Корси,
Посылаю Вам, как условлено, приглашение на вечер Лени.

Я совсем замоталась. Б. С. Нилус все болеет, а потому вся тяжесть вечера упала на меня.

Одна радость, что езжу по Парижу — погода пока хорошая.

Очень жалею, что Вас нет здесь. Я бы с Вами и на выставку слетала. Очень больна Ляля. Уложили в постель — сердце и отравление каким-то сердечным лекарством.

Очень жаль, что Вас не было вечером 30 сент., — всех бы увидали, за день перебивало 45 человек! *A femme de ménage* выздоровела через две недели!

Мне все же лучше, — немного похудела.

А как Вы?

Князь все задыхается. Мучается, бедный, очень. Леня пишет до одурения. Произвел на свет очень хорошую повесть, написанную от женского лица. Ее будет читать Е. Н. Роцина, как и еще маленький рассказ, который еще не переписала. Роциной понравилась «Русская Повесть», говорит, что легко ее читать, — так досадно, что Вас не будет.

Занята так, что не поблагодарила еще за поздравления.

Какие планы у Вас на зиму? У нас еще никаких. Обещают топить с 1 ноября. Но восемь лет не топили, будет ли все гладко.

Наши шлют Вам и Вашим дружеские приветы и сожаления, что Вы только промелькнули метеором.

Кланяйтесь от меня Вашей маме и И. Н. Вас нежно целую

Ваша Ника.

23. 1. 1950

С днем Ангела наступающим, дорогой мой Корси, — здоровья, радостей, успехов, удач во всех начинаниях.

Много раз хотела писать, да или мелкие дела, или усталость мешала.

Жизнь проходит в заботах, домашней работе, приходилось и распространять приглашения. Теперь последнее прекращено. Мне это уже не под силу. Отлучаться из дома все труднее, телефона нет, писать письма стало мне трудно. Но, конечно, в экстренных случаях и т. д.

Спасибо за перевод. Разделила пополам. Посылаю квитанцию. За билет я давно внесла за Вас. В «Б. П.» Вы заплатили до февраля. Достаточно и по 50 фр. в месяц. Вы не миллионерша...

Ян все то же. Сильное малокровие — 57% гемоглобин. Завтра узнаем все подробно. Очень задыхается и часто кашляет, но все же работает. Написал статью «Третий Толстой», которая появилась в Нью-Йорке в газете «Новое Русское Слово».

«Барышни»⁶³) наши уже в Новом Свете. Живут под Нью-Йорком. Пока зарабатывают как *f. de ménage* и живущими и приходящими. Галя напечатала свой рассказ в той же газете, что и Ян. Пишут, привыкают медленно к новой жизни. Ляле лучше, она стала выходить. Но ей предписано лежать 16 часов в сутки. Одно время Олечка от тяжелой жизни пришла в отчаяние. Сидела или стояла в оцепенении, лишилась сна — давали снотворное, начались рвоты на нервной почве. Запустила уроки. Я с помощью Серафима Саровского — я очень усердно молилась Ему, и он помог — собрала известную сумму ей на уроки, на праздниках она повеселилась у скаутов и сейчас стала

неузнаваема. Готовится к башо, *) потом надеется через Зернову попасть в Англию. Вчера они у нас обедали, и Олечка все время веселилась, а то я без слез не могла ее видеть.

У Лени тоже здоровье не очень хорошее. Он много работает, ежедневно сидит в библиотеке, но романа не трогает.

О себе писать трудно и скучно. Обнимаю, целую
Ваша Ника.

Ян и Леня шлют приветы и поздравления Вам и Вашим — я присоединяюсь.

Н.

18. III. 1950

Дорогой Корси,

Спасибо за весточку. Огорчилась, что мы не увидимся на юге и пожалуй в Париже. В Жуане надеемся пробыть до середины июня, если нас не заедят комары и москиты.

Что сказать о нас? Nous sommes en vie и только. Нигде не бываем. Людей выдаем лишь по четвергам два раза в месяц.

Одно время у Князя было мало красных шариков. Сейчас, кажется, больше. Задыхается чаще, чем в прошлом году — астма!

Мои боли не прекращаются, хотя они и не сильные. На будущей неделе буду сниматься «рентгеном».

Посылаю Вам один билет на лотерею в пользу «Быстрой Помощи». Цена сто франков. Думаю, что это не разорит Вас. При случае пришлете или отдадите.

В церкви бываю, но только на rue de la Tour.

Радуюсь, что Страстную проведу в Париже и что Светлый праздник встречу здесь.

*) Экзамены на аттестат зрелости.

Что это за художница, к которой Вы ездили в Русский Дом? Жаль, что не при нас!

Слава Богу, что Ваша мама опять видит. Кланяйтесь от нас всех. Ляля все болеет, очень худа. Олечка будет праздновать свое семнадцатилетие у нас в воскресенье 19 марта... Будет только «Зеленое кольцо», то есть ее сверстники и однолетки. Вход взрослым воспрещен. Она готовится к башо.

Как-то была у меня М-ме Гутнер. Говорили о Вас, вспоминали Вашу тетю. Она очень милая. Мы с ней одновременно были на курсах.

Мой приятель юности, П. К. Иванов, написал замечательную книгу «Тайна Святых». Но она не по нашим средствам: 1500 фр! Мы с Леней прочли ее, — он нам давал ее.

Мнения разделились: одни в полном восторге, другие не со всем согласны, а Сергиевское Подворье — кричит, что он — еретик! Зеньковский же очень приветствует ее как книгу о Любви.

Я так отвыкла писать, что чувствую растерянность. Читала больше, чем в прежнее время в Париже. Прочла «На Горах» Мельникова-Печерского и подышала Русью...

Перечитала «Истоки» Алданова. Книги (их две) стоят 1500 фр! Кто может купить? Последнее время собираю на книгу Варшавского, тоже будет стоить франков тысячу. Собрала уже 23.000 фр. Чтение теперь — удел богатых. Обнимаем, целуем

Ваша Ника.

Привет Муравьевым

2 октября 1950 года

Дорогой мой Корси.

Спасибо!

Я слышала, что Вы не совсем здоровы. Что с Вами? Беспокоимся. Сообщите немедленно. А у нас были

грозные события. Яна оперировали! После Вашего отъезда он очень страдал. У него в шейке мочевого пузыря была опухоль, которую через канал удалил блестяще хирург Дюфур, родившийся и учившийся в средней школе в Петербурге, сын русских французов, восходящее светило в медицинском мире. Болезнь была запущена. Мы ждали Дюфура, — он был на отдыхе.

25 авг. — Д. вернулся. 27/VIII был у нас. 28/VIII мы перевезли в «амбулансе» Яна в сильных страданиях в госпиталь к католикам. Ухаживали монахи, что было приятно. Цистоскопия была произведена 30/VIII. 4 дня готовили к операции. 4/IX она была сделана. Перенес ее хорошо. Страдал от **удушья**, **пролежней** и **болей** в левом колене. Вернулись мы домой 20/IX. Медленно поправляется. Еще слаб. За ним хорошо ухаживает Леня: перевязки, растирание ноги, пассивная гимнастика и очень вкусные блюда, надо чтобы Ян хоть немного окреп и пополнил: он худ, как голодающий индус, но малокровия нет.

Устала я очень нервно. А так вид хороший.

В день Ангела причащалась и ничего «именинного» не делала. Угощались дарами приносивших.

Операция стоила со всеми онерами более 150.000 фр. Заняла 140.000 Уже отдала 45.000. Накануне переезда в клинику я была без гроша! За это время умер Пантелеймонов от рака, он так пролечился, что сделали сбор на похороны среди нас.

Болен Ларионов в Англии, Наташа с ним. Тоже собирали на его болезнь.

Мы надеемся, что Князь окрепнет ко дню своего восьмидесятилетия, которое будет ровно через три недели, то есть 23 октября.

Целуем Вас. Приветствуем Ваших

Ваша Ника

Дорогой Корси,

Наконец Вам пишу. Выбрала таки минутку. Князь спит. Леня пишет. Тишина, хотя часы показывают 1 ч. 35 м. по полудни.

Париж пуст, половина магазинов закрыта. Легко переходить улицы. Почти никто не заглядывает к нам, разве какой-нибудь «американец»...

Князь чуточку стал сильнее, но задыхается. На воздух не выходит. У нас дни прохладные с дождями, иногда с ветрами. Солнце — редкий гость. Пожалуй, для нас это лучше, чем жаркий август.

Давно это было, я встретила родственницу⁶⁴) Л. Т. Доброй, которая гостила у Вас, и она рассказала о Вашем житье-бытье. Мы с ней и с Вами были на выставке.

Как теперь Ваше здоровье? Приедете ли Вы в Париж? Вот бы хорошо. Я хоть на одну выставку заглянула бы... С Вами одно удовольствие «видеть» картины. Я же теперь положительно нигде не бываю.

Галя и Марга хорошо устроились в Нью-Йорке. У них квартира в 4 комнаты, телефон, радио. У Гали машинка, благодаря которой она зарабатывает в ожидании постоянного места. Марга служит корректором в ООН.

Мне писали знакомые, что Галя похорошела, а Марга стала очень элегантной. «Пожар способствовал»... С нами они в живой переписке. Все бывает на свете.

Олечка кончила курс в русской гимназии по философскому отделению. Сейчас она в Англии, была на богословском съезде, а теперь в лагере для молодежи. Она уже овладела английским языком.

Бедная Ляля одна на своей мансарде, с которой она должна выехать, т. к. нужно чинить потолок и крышу, а куда — она не знает. К нам неудобно: она

в споре с Леней, вот еще глупость! Она совсем больна — сердце, иногда мести не может, а главное психика и полное отсутствие сил. Все доктора говорят: санатория на полгода...

Олечка стала очень мила, с очаровательной улыбкой и красивым сочетанием тонов — лица, глаз, волос, зубов. Она у нас праздновала свое окончание. Был приглашен весь класс. Грамофон гремел с 5 ч. дня до 11 в. Все были счастливы и плясали до усталости.

Обнимаю целую,

Ваша Ника

Привет маме и Муравьевым.

18. X. 53

Дорогой мой Корси,

Долго я не отвечала Вам и не поблагодарила за поздравление. Было несказанно тяжело, да не хотелось и Вас огорчать. У нас большое горе: заболел тяжело Леня. Сейчас во время инсулинового лечения ему сразу стало лучше: перестал бредить.

Не буду писать, что я пережила, начиная с начала этого года. Вы лучше всех это понимаете.

Сейчас он в частной клинике, где дорого — сто тысяч в месяц. Теперь поднимается вопрос, перевозить ли его в казенную клинику или он поправится? Делаю все возможное, чтобы его дальше держать в частной, там три врача. Директор Перон в своем деле знаменитость. Павильоны, дом барский, домики и дома раскинуты по великолепному запущенному парку, где раз в неделю и я дышу свежим воздухом, это в Suresnes на берегу Сены.

Он охотно поехал в клинику и охотно лечится, — самый легкий по характеру больной, всем доволен и ни на что не ропщет. Помолитесь о нем.

А дома тоже невесело: Князь опять перенес вос-

паление в левом легком, а сейчас страдает от пролежней, изжоги и всяких своих немощей. Много думает и говорит о смерти.

Я держусь. Бог дает силы. Олечка перешла на следующий курс в Сорбонне. Сейчас продолжает изучать «steno» и упражняется на машинке. В декабре экзамен. Очень мила и умненькая. Ляля все такая же, курит, лежит и стирает. Они меняют белье ежедневно!

Галя и Марга процветают: квартира 4 ком., автомобиль и т. д. Обнимаем

Ваша Ника

3 ноября 1953 года

Дорогой мой Корси,

Вы меня несказанно тронули Вашей «лептой», действительно, бедные щедрее богатых и в тысячу раз сердечнее.

Могу порадовать: Леня выздоравливает. И мы оставляем его в той же клинике, хотя это безумно дорого. Лезу из кожи, чтобы добыть средства еще на месяц-полтора: стучусь в сердца, занимаю: пока держусь.

А тут болезнь Князя, сначала воспаление в легком, а затем оказалось, что у него малокровие: 50% гемоглобину, всего 2 600 000 кр. шариков, при мочеви-не в крови 56.

Слаб, апатичен, полная потеря аппетита. Меня почти не выпускает даже из комнаты. Лекарства принимает с «большими слезами».

Словом, весело! Я еще не падаю духом, но временами бывает тяжело. Главное, мучает то, что нет положительно времени для «слезных писем», а у меня список, кому можно написать и этим окончательно спасти Леню. Инсулиновые шоки, видимо, ему идут на поль-

зу, но он очень потолстел оттого, что за утренним кофе должен уничтожить фунт сахара.

Он очень просил Вам кланяться. О деньгах я пока ему ничего не говорю, хотя в последний раз он сказал: «Здесь, вероятно, очень дорого?» Я быстро ответила: «Пока это наше дело, а Вам нужно стараться скорее поправиться». «Да, я стараюсь»... И правда, он самый исправный пациент. Доктора и санитар им довольны.

Умер Зензинов. И знаете отчего? Ему сделали операцию, ночью он не дозвонился сиделки, встал, пошел в уборную, упал и раскроил себе череп.

Олечке должны делать операцию аппендикса. Она не боится. Но все же буду рада, когда это будет в прошлом.

Привет наш Игорю Николаевичу. В.

23 декабря 1953 года

Дорогой мой Корси,

Спасибо за Ваши письма. Трудно привыкнуть, что его живого нет. Я не могу плакать, а потому, вероятно, еще тяжелее.

Похудела, по утрам чувствую себя разбитой. Сейчас жду доктора: решила показываться раз в месяц. Мне еще нужно жить и для приведения дел Яна, и для увековечения его памяти. Нужна я и для Лени: он вернулся домой 12 декабря. Таким милым, заботливым и добрым он никогда не был. Благословляю и благодарю Бога и всех, кто помог не перевозить его в другое место. Там доктора первоклассные. Он оставил о себе там лучшее воспоминание. Но еще на строгом режиме: на год запрещен алкоголь, запрещены вечерние выходы — в постели должен быть с 9 ч. После завтрака отдых — час в постели, затем прогулка. В семь обед.

От сахара он пополнил, избегает теперь сладкого, не ест хлеба, картофеля.

Живет в спальне, бывшей моей комнате. Она отремонтирована и имеет иной «климат», чем раньше.

Ремонт пришлось сделать, т. к. мне передали, что хозяин хочет придраться, что квартира в плохом состоянии. Пока удалось наполовину из-за недостатка средств.

Живу я в кабинете, где жил и скончался Ян. На письменном столе, на камине, на стенах его портреты, — не нагляжусь.

Благодаря Лене веду тоже правильный образ жизни, что, конечно, хорошо.

Не знаете ли, что с Еленой Петровной? Здорова ли она? От нее нет вестей целую вечность.

Приедете ли Вы в Париж?

Ляля и Олечка почти не бывают. У последней аппендицит. Операция будет после праздников, если ничего дурного не случится. Оставляю место для того, что найдет доктор. Месяц назад у меня было давление 18, а всегда 13-14. Это от переутомления.

Давление опять стало обычным — 14, а усталость от переутомления и малокровия, это у меня бывает и на нервной почве. Сердце в порядке, слава Богу.

Обнимаю, целую.

23. IV. 54

Христос Воскресе!

Дорогой Корси, поздравляю и желаю здоровья, успехов и радостей.

Сегодня 48 лет, как мы отправились в путь, а теперь я одна. Напишите о себе.

2 недели назад был вечер Князя. Все довольны,

а мне было тяжело, хотя атмосфера в зале была на редкость дружеская. Трижды целую.

Ника

Пасхальная открытка 1956 года.

Вот уже третья Пасха, как я без него. 46 Пасх были вместе. Недавно видела его во сне. Испытала радость, а проснувшись, поняв, что его нет, почувствовала лютую тоску...

Зима была холодная, особенно ее конец. Леня болел гриппом, который вызывал нелады в легких. Он напечатал два рассказа в «Новом Журнале», они очень маленькие, но имеют большой успех: ему писали, звонили по телефону, выражали и устно свое восхищение, особенно восхищают его «Гуси-лебеди». Теперь он пишет повесть, тоже для этого журнала.

Эту неделю говели. Консьерж обещал вымыть окна и надул. Не знаю, что делать. Они неприличные, а Леня может простудиться...

Олечка все еще на положении выздоравливающей. Сорбонну не посещает, но все же хочет держать экзамены.

Жду от Вас вестей. Целую троекратно.

Мой пасхальный привет Игорю Николаевичу. Леня поздравляет Вас и его со Светлым Праздником

Ваша Ника

28. XII.57

Дорогой Корси,

Поздравления, пожелания и приветы от нас вам обоим.

Что у Вас? Как себя чувствует Игорь Николаевич?

Я очень устала, кончала книгу. Издаю по подписке, — издательств нет. Обнимаю, целую

Ника

Дорогой мой Корси,

Спасибо за вид Лиона, за поздравление, сердечные пожелания.

Леня все еще в Эдинбурге, пишет рапорт о найденном им незарегистрированном городище в Шотландии. Когда вернется, еще не знаю.

Книгу обещают печатать, но можно ли верить, не знаю? «Пытка ожиданием» надоела, хотя она учит терпению.

30-го ездила на кладбище, там сидела у могилы, был несказанно прелестный осенний вечер, но деревья еще зеленые. «Лето прошло», но собственно его не было.

Я просидела безвыходно на «Яшкинской» улице ⁶⁵), и было хорошо.

Спасибо за новую подписку. Напишите имя, отчество и фамилию библиотекаря. Ему напишет Б. С. Нилус, то есть настукаю я на машинке, а Б. С. подпишется. Мне самой неудобно обращаться.

У меня случайно были черствые именины: утром 1 октября консьержка принесла розы, 2 торта и крендель. Я стала звонить по телефону, приглашать на подмогу. Кто были здоровы — пришли и честно помогли уничтожить именинные дары. — Печень моя и не заметила их.

Много ли Вы наработали за лето? Какие планы на зиму? Что нового в Грассе, видали ли Елену Петровну и Аллочку?

Привет Игорю Николаевичу.

Целую, обнимаю

Ваша Ника

Олечка была во Флоренции, Сиене, стала еще милее. Ляле немного лучше.

Они шлют Вам дружеский привет.

Париж 12. X. 60

Дорогой Корси,

Спасибо за поздравление и верность. Рада надежде увидеться.

Что с Еленой Петровной? Аллочка писала, что она была больна и за нее ответила еще летом.

Вот послезавтра — две недели, как я без устали отвечаю на поздравления. И конца еще не вижу.

Итак à bientôt.

Адресую в Лион, — боюсь, что Вы уже покинули милый Грасс. Я все лето пробыла в Париже.

Привет Игорю Николаевичу.

Ваша Ника

Леня кланяется вам обоим

9 января 1961 года

Дорогой Корси,

Спасибо за поздравление. Не знала, куда писать.

Поздравляю, желаю в 1961-м году здоровья, успехов, радости.

Святки провожу тихо. Кое-кто заглядывает. Сама за все время была в двух местах. 25 XII у beaux-parents Олечки на завтраке с шампанским и потом поздравила от них: мать 96-ти лет и дочь, моих давних друзей. Читаю «Кутузов», прочла «Суворов» Раковского, советского писателя. Много узнала нового.

Обнимаю, Леня поздравляет

Ника

Праздничный привет Игорю Николаевичу. Олечка отдыхает 2 месяца. Она переутомилаась.

Париж 4. IV. 1961

Дорогой Корси,

Сижу в кафе на бульваре Экзельманс. В ожидании всеобщей не знаю, что делать? Решила написать Вам. У меня поблизости было деловое свидание, и я решила не возвращаться домой. Ждать надо полтора часа...

Хотела зайти к Струве, но их не было дома. Позвонила Полонской, она играет в карты. Этим спасается! Позвонила Алдановой — к телефону никто не подошел. Вот и сижу и бросаю взгляды на прохожих. Акведук снесен, получилась широкая улица, посреди возвышение для машин. Их теперь здесь видимо-невидимо. А едут с двух сторон.

Как живете? Над чем работаете? Будете ли весной в Париже, где тепло? Я сегодня надела свой серый костюм: распускаются деревья. Небо синее, безоблачное.

Пишу письма и «беседую с памятью», но мало. Слишком много всяких мелких и хозяйственных, и чужих дел, и сил не хватает, и хочется только «беседовать». Печатаюсь пока в «Новом Журнале», а скоро буду печататься в «Гранях». Обнимаю, целую. Привет Игорю Ник.

Ваша Ника.

Леня дружит с В. Н. Полем⁶⁶), иногда встречается у него Льва Ник.

Мало нас осталось!

П Р И М Е Ч А Н И Я

(1) Ляля — Елена Николаевна Жирова, мать Олечки Жировой. Долгие годы жила с ней у Буниных. Олечка Жирова сыграла большую роль в жизни Буниных. Она родилась в Париже 14 марта 1933 года и умерла 5 сентября 1964 — 31 года от роду. На фотографии ей 5 лет. Мать Олечки, Елена Николаевна, умерла от разрыва сердца в день свадьбы дочери.

(2) Горцы — Галина Кузнецова и Маргарита Степун, жильцы верхнего этажа виллы Жанет в Грассе.

(3) Лидочка — Лидия Викторовна Кутеталадзе-Маркус.

(4) Ундина — прозвище Ляли Жировой.

(5) Жорж — инженер, помогал по хозяйству в имении Кутеталадзе.

(6) Отец Николай Соболев, настоятель церкви в Каннах.

(7) Генерал Хрипунов с женой, жившие в Каннах.

(8) Фохт — писатель, первый муж Л. В. Кутеталадзе-Маркус, ставший впоследствии монахом.

(9) Маркиза — ученица Маргариты Степун.

(10) Муравьевы — родители мужа Т. Д. Муравьевой-Логиновой.

(11) Самойловы жили в соседнем городке Рокфор, у них было птичье хозяйство в Рурэ.

(12) Андреева — приятельница.

(13) Гетье-Любченко работала в детском превантории около Ниццы.

(14) Абрам Соломонович — доктор Залманов.

(15) Мисс Херст — приятельница Л. В. Кутеталадзе-Маркус.

(16) Л. Г. Добрая — богатая дама-благотворительница.

(17) Шурочка — А. Н. Авксентьева-Прегель.

(18) М. С. Цетлин — мать А. Н. Авксентьевой-Прегель.

(19) Кирилл Маркус — муж Л. В. Кутеталадзе-Маркус.

(20) М. И. Кутеталадзе — мать Л. В. Кутеталадзе-Маркус.

(21) Эльф — прозвище Олечки Жировой.

(22) Торан — горное местечко над Грассом.

(23) Наталья Сергеевна Гончарова.

(24) Борис Зайцев, писатель, и его жена — друзья Буниных.

(25) Наталья Борисовна Соллогуб — дочь Зайцевых.

(26) Игорь Николаевич Муравьев — муж Т. Д. Муравьевой-Логиновой.

(27) Владыка — о. Григорий Остроумов.

(28) Леня — Леонид Федорович Зуров.

(29) Наташа — жена Льва Муравьева.

(30) Н. Я. Муравьев — свекр Т. Д. Муравьевой-Логиновой.

(31) Мария Карловна — свекровь Т. Д. Муравьевой.

(32) Доктор Завадский по дороге в Америку находился в Грассе.

(33) А. В. Вахрах, молодой журналист, поселился у Буниных на вилле Жанет.

(34) Августа Протогеновна Самойлова из Рурэ.

- (35) Госпожа Дюкло — жена профессора Жака Дюкло, дружила с Т. Д. Муравьевой.
- (36) Т. Д. Муравьева ездила в оккупированный немцами Париж, чтобы ликвидировать квартиру.
- (37) Аля — А. В. Вахрах.
- (38) Галя — сестра Т. Д. Муравьевой.
- (39) Татьяна Михайловна Толстая-Львовна.
- (40) Круг — отец Георгия Ивановича Круга, художника-иконописца и приятеля Зурова, которого по-семейному звали «Додик». Впоследствии он стал монахом о. Григорием.
- (41) В. М. Кутеталадзе умер от рака.
- (42) А. М. Сталь и Т. Л. Толстая создали Русскую Академию Живописи, где учился Успенский и Т. Д. Муравьева-Логина.
- (43) Отец Афанасий служил в церкви Трех Святителей на улице Петель.
- (44) Доктор Розанов практиковал в Ницце.
- (45) Алла — дочь Елены Петровны Ставраки, приятельницы В. Н. Буниной, замужем за владельцем парфюмерной фабрики в Грассе.
- (46) Илюша — И. И. Бунаков-Фондаминский.
- (47) Елена Александровна — мать Т. Д. Муравьевой.
- (48) Бурсель — имение Муравьевых около Грасса.
- (49) Любовь Александровна — тетушка Т. Д. Муравьевой.
- (50) Госпожа Пелесье — владелица парфюмерной фабрики в Грассе.
- (51) Женечка Кекишева — родственница.
- (52) Леоны — родственники Любви Александровны, жили в имении около Грасса.
- (53) Скидельские — родственники, жившие в Америке.
- (54) Вера Васильевна Гутнер — приятельница Любви Александровны.
- (55) Госпожа Антик — дочь Леонов.
- (56) Главный врач больницы в Грассе.
- (57) Миля — госпожа Антик.
- (58) Госпожа Козеран — массажистка в Грассе.
- (59) Писатель Степун жил в Мюнхене.
- (60) Мать Наташи, госпожа Кульчицкая.
- (61) Иолшин долгие годы составлял «Словарь чужих наречий». После его смерти сестра Иолшина передала многотомный словарь в Лозаннский университет.
- (62) Берта Самойловна Нилус — вдова художника, помогала В. Н. Буниной в устройстве вечеров писателей.
- (63) Барышни — Галина Кузнецова и Маргарита Степун.
- (64) Альма Яковлевна Дюкло.
- (65) Яшкинская улица — rue Jacques Offenbach, где жили Бунины.
- (66) Владимир Николаевич Поль — композитор, один из трех директоров Музыкального издательства в Лейпциге, друг и учитель Л. Н. Муравьева.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Русская мысль», 8 апреля 1961.

ПАМЯТИ ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ БУНИНОЙ

Пора бы привыкнуть, — говоришь сам себе. Пора бы примириться с тем, что неизбежно: с постепенной, почти непрерывной убылью друзей, приятелей, людей, с которыми связаны были лучшие годы жизни. Пора бы заранее быть готовым к потерям, утратам, разлукам...

Но каждый раз исчезновение человека, с которым чуть ли не на днях виделся, шутил, спорил, говорил о каких-то пустяках, — не зная, что это последняя встреча! — каждый раз исчезновение поражает. И каждый раз жалеешь, что главного, самого нужного сказать не догадался — и уже никогда не скажешь. Так было, так будет? Да, как это ни печально, повидимому таков закон нашего существования.

Вере Николаевне Буниной сказать надо было бы многое. Если бы не бояться громких слов, то сказать «от лица русской литературы», — и в первые часы после ее смерти именно это перевешивает в сознании все, что сказать следовало бы о ней лично, о ее неутомимой и неистощимой отзывчивости, о ее простоте и доброте, ее скромности, о том свете, который от всего ее облика исходил... Кто в русском Париже Веру Николаевну забудет, кто не почувствует, что без нее русский Париж — уже не тот, каким прежде был? Что русский Париж опустел?

Однако для будущего важнее то, чем была Вера Николаевна для своего мужа. Не всем большим и даже великим русским писателям — надо ли называть имена? — посчастливилось найти в супружестве друга не только любящего, но и всем существом своим преданного, готового собой пожертвовать, во всем уступить, оставшись при этом живым человеком, не превратившись в безгласную тень. Теперь еще не время вспоминать в печати то, что Бунин о своей жене говорил. Могу все же засвидетельствовать, что за ее бесконечную верность он был ей бесконечно благодарен и ценил ее свыше всякой меры. Покойный Иван Алексеевич в повседневном общении не был человеком легким и сам это, конечно, сознавал. Но тем глубже он чувствовал все, чем жене своей обязан. Думаю, что если бы в его присутствии кто-нибудь Веру Николаевну задел или обидел, он при великой своей страстности этого человека убил бы — не только как своего врага, но и как клеветника, как нравственного уродца, не способного отличить добро от зла, свет от тьмы.

Обо всем этом когда-нибудь будет рассказано обстоятельно. Но то, о чем я сейчас говорю, должно бы войти во все рассказы о жизни Бунина. Прекрасный, простой и чистый образ Веры Николаевны встанет в них во весь рост. В годы вдовства, когда жизнь ее была наполнена только памятью о муже, а не его близостью, еще яснее обнаружилось, сколько было отпущено ей редких душевных даров. В России теперь Бунина усердно читают и, кажется, очень любят. Хочется пожелать, чтобы далекие, бесчисленные русские читатели помянули в эти дни добрым и сердечным словом женщину, которая сделала для них больше, чем, вероятно, они предполагают.

Георгий Адамович

«Русские новости», 14 апреля 1961.

ПАМЯТИ В. Н. БУНИНОЙ

Той эпохи, когда Иван Алексеевич Бунин заведывал литературным отделом журнала «Правда», издававшегося моим отцом (1904-5-6), не помню.

Вспоминаю Ивана Алексеевича, всегда сдержанного, элегантного, холодноватого, лет 12 спустя в Литературно-Художественном Кружке. Когда они появлялись с Верой Николаевной на исполнительных собраниях и проходили на свои места, по залу проносился шелест одобрения: «Какая красавица!» И подлинно — Вера Николаевна, в изумрудном бархатном или светло-сером серебристом платье, была очень хороша. Рафаэлевские глаза и профиль, тициановская фигура. Классическая красавица с картин итальянских мастеров. Эта прелестная женщина осталась у меня в памяти как украшение тогдашней «молодой» Москвы.

Здесь, за рубежом, Вера Николаевна Бунина дала нам, русским людям, великий пример терпения и кротости. Она безропотно переносила все: и далеко не легкий характер Ивана Алексеевича, и долгие месяцы голодовки в Грассе, в годы оккупации, и многое другое, о чем тяжело говорить. Она оставалась всегда ровной, спокойной и ясной, но на сердце этой поистине русской женщины ложился рубец за рубцом.

Вечная память!

О. Кожевникова

«Русские новости», 7 апреля 1961.

КОНЧИНА В. Н. БУНИНОЙ

Скончавшаяся в прошлый понедельник, 3 апреля, в Париже, Вера Николаевна Бунина была верной спутницей жизни Ивана Алексеевича Бунина в течение сорока шести лет. Как рассказывает она сама в своих воспоминаниях (еще не появившихся в печати, но которые она показывала советскому писателю Льву Никулину, цитировавшему потом их в своей книге «Чехов, Бунин, Куприн»), она познакомилась с И. А. в 1906 году на литературной вечеринке у Б. К. Зайцева, с женой которого ее связывала многолетняя дружба. С тех пор они не расставались до смерти писателя в Париже, в 1953 г.

Вера Николаевна Бунина, урожденная Муромцева, происходит из московской интеллигентской семьи. Ее дядя, С. А. Муромцев, был первым председателем Первой Государственной Думы. Вера Николаевна была слушательницей Высших женских курсов и, как она рассказывает, «с детства любила литературу, недурно ее знала, следила за всеми новинками». Личные качества писателя она проявила уже после смерти И. А., опубликовав в Париже, в 1957 году, книгу «Жизнь Бунина». В этой книге она с величайшей тщательностью и подробностями изложила жизненный и творческий путь Бунина, почти подневно описывая его скитания, встречи, искания (в частности, его кратковременное

увлечение толстовством), его дружбу с Чеховым и другими выдающимися современниками. Для будущего биографа Бунина книга В. Н. Буниной будет совершенно необходимым источником.

Книга В. Н. Буниной доведена до 1906 г., т. е. до момента ее встречи с писателем. Все дальнейшее В. Н. изложила в своих еще неопубликованных воспоминаниях.

Как было указано выше, с содержанием этих воспоминаний она ознакомила приезжавшего в Париж писателя Льва Никулина. Известно, что ею была передана в Советский Союз значительная часть архива Бунина, которая послужила ценной документацией для московского издания собрания его сочинений. Этим жена Бунина способствовала духовному возврату замечательного русского писателя на его родину, и этим она заслужила благодарную память у всех русских людей.

Е. Х.

Imprimerie P.I.U.F.,
3, rue du Sabot, - 75006 Paris

Татьяна Муравьева-Логина родилась в Севастополе. Покинула Крым в 1920 году. Во Франции окончила Химический институт. Одновременно училась живописи, сначала в Русской Академии, затем у Гончаровой и Ларионова, а также у французских профессоров. Выставляла свои работы в Салоне Тюильри, в Салоне Независимых и др. за подписью «Логин». С И. А. Буниним познакомилась в 1935, а с В. Н. Буниной в 1936 году и оставалась в дружеских отношениях с ними в течение всей их жизни.